

Уинстон Черчилль: его эпоха, его преступления

Тарик Али

Тарик Али

Уинстон Черчилль. Его эпоха, его преступления

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69384910

Уинстон Черчилль: Его эпоха, его преступления: Альпина нон-фикшн;

Москва; 2023

ISBN 9785002230631

Аннотация

Мы знаем Уинстона Черчилля как ярчайшего политического и государственного деятеля, борца с нацизмом, наконец, лауреата Нобелевской премии по литературе. В ходе опроса, проведенного BBC в 2002 году, англичане признали его величайшим британцем в истории. Однако Черчилль был, прежде всего, человеком своего времени, а значит, страстным защитником Британской империи и имперской идеи. Именно к этой стороне его политической деятельности, без которой портрет Черчилля был бы не полон, обращается известный британско-пакистанский писатель, историк, публицист и общественный деятель Тарик Али.

Будучи главой британского флота во время Первой мировой войны, Черчилль допустил ряд катастрофических ошибок, унесших тысячи жизней. Его попытка сокрушить ирландских

националистов оставила раны, которые не зажили до сих пор. Даже самый почитаемый период политической карьеры Черчилля, когда шла война против нацистской Германии, был отмечен голодом в Бенгалии, унесшим жизни более чем 3 миллионов индийцев, столкновением британских войск с Народно-освободительной армией Греции и другими «темными страницами», которые подробно задокументированы в книге Тарика Али.

Содержание

Хронология	9
Предисловие	13
Благодарности	23
Введение	26
1	62
Бриллиант в короне	84
Дележ Африки	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100
Комментарии	

Тарик Али

Уинстон Черчилль. Его эпоха, его преступления

Переводчик *Максим Коробов*

Научный редактор *Александр Воеводский, канд. ист. наук*

Редактор *Лев Данилкин*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *А. Никульшина, И. Панкова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Иллюстрация на обложке *Getty Images*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц,

в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2022 by Tariq Ali

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Тарик Али

Уинстон Черчилль: его эпоха, его преступления

Перевод с английского

Москва, 2023

Посвящается Гарту Фоуксу, которому в год столетия с начала Второй мировой войны исполнится двадцать три. Я надеюсь, что к тому времени многое из написанного в этой книге утратит актуальность, но опасаясь, что эти надежды не сбудутся

Хронология

Уинстон Черчилль: слуга империи

1874 г.

родился во дворце Бленхейм в Оксфордшире в семье члена парламента от консерваторов Рэндольфа Черчилля и богатой американской наследницы Дженни Джером.

1876 г.

Рэндольф Черчилль становится личным секретарем вице-короля Ирландии, своего отца Джона Спенсера-Черчилля, после чего семья переезжает в Дублин.

1888–1895 гг.

обучение в школе-интернате Хэрроу и Королевской военной академии в Сандхерсте.

1895–1899 гг.

в звании второго лейтенанта зачислен в 4-й Ее Королевского Величества гусарский полк. Участие в боевых стычках на Кубе, в Индии и Судане дает материал для первых опытов в журналистике.

1899–1901 гг.

увольняется из полка и начинает карьеру политика. В качестве вольноопределяющегося военного и журналиста участвует в событиях в Южной Африке.

1901–1904 гг.

избирается от Консервативной партии в парламент, где представляет Олдем.

1904 г.

переходит в Либеральную партию.

1906–1908 гг.

заместитель министра по делам колоний в правительстве Кэмпбелл-Баннермана.

1908–1910 гг.

получает должность министра торговли и промышленности в кабинете Асквита.

1910–1911 гг.

министр внутренних дел в правительстве Асквита.

1911–1915 гг.

первый лорд Адмиралтейства, с 1914 г. член Военного совета Асквита.

1915–1916 гг.

вынужден подать в отставку с поста первого лорда Адмиралтейства под давлением консерваторов, поставивших это условием своего участия в коалиционном правительстве Асквита. Вновь вступает в армию и отправляется на Западный фронт, но уже через несколько месяцев добивается разрешения оставить действительную военную службу.

1917–1919 гг.

министр вооружений в кабинете Ллойд Джорджа.

1919–1921 гг.

военный министр в правительстве Ллойд Джорджа.

1921–1922 гг.

министр по делам колоний. По результатам выборов 1922 г. теряет место в парламенте.

1924–1929 гг.

переходит в Консервативную партию. Канцлер казначейства в кабинете Болдуина.

1929–1939 гг.

выходит из Теневого кабинета в знак протеста против предоставления Индии статуса доминиона. Выведен из состава правительства 1931–1939 гг. Сочиняет бульварные ис-

торические романы.

1939 г.

первый лорд Адмиралтейства в кабинете Чемберлена.

1939–1945 гг.

премьер-министр.

1945–1951 гг.

лидер оппозиции.

1951–1955 гг.

премьер-министр.

1955–1965 гг.

в отставке. Умер в 1965 г. в Лондоне в возрасте девяноста лет.

Предисловие

Нужна ли еще одна книга о Черчилле? Я не однажды задавал себе этот вопрос, но, кажется, так поступают очень немногие. Большинство людей, с которыми я разговаривал, в том числе многие из тех, кто не разделяет моих политических взглядов, были решительно настроены в пользу этого проекта. Причина этого проста и понятна. Сложившийся вокруг Черчилля культ буквально автоматически пресекал любую попытку серьезно обсудить его личность. Необходимость альтернативного взгляда ощущалась все острее, и вместо того, чтобы жаловаться на сложившееся положение, мне следовало самому заняться делом. Я не хочу сказать, что все историки, занимавшиеся Черчиллем, были лишены критических способностей. По теме написано несколько очень неплохих книг, и дальше я буду ссылаться на них. Но сейчас речь не столько об альтернативном взгляде, сколько о защите права на такой взгляд. Сам Черчилль, при всех его недостатках, всегда обожал политические дуэли и становился их зачинщиком не реже, чем мишенью. Его эпигоны обладают гораздо меньшей политической и интеллектуальной уверенностью в себе и склонны относиться к любой серьезной критике как к *lèse-majesté*¹: вот уж Черчилля оплевывать мы ни-

¹ *Lèse-majesté* (фр.) – оскорбление величества. – Прим. пер.

кому не позволим. Это совершенно неприемлемо.

Участники одной антикапиталистической демонстрации в 2000 г. обрызгали статую Черчилля на Парламентской площади красной краской, а на голову ей водрузили кусок земли с газона, придав получившейся прическе сходство с ирокезом. Тогдашний премьер-министр Тони Блэр был в ярости. Его пресс-секретарь записал в дневнике, что он «отреагировал несколько чрезмерно, заявив, что "такого рода вещи никогда не должны повторяться", и посоветовав впредь проводить подобные демонстрации за пределами Лондона». Обрызгивания краской – то чаще, то реже – продолжались и в последующие годы, достигнув пика в 2020 г., когда активисты движения Black Lives Matter намалевали на постаменте статуи: «Черчилль был расист».

Это далеко не самое страшное обвинение, которое можно выдвинуть против Черчилля, но оно вызвало бурю негодования. Дальше – больше. В феврале 2021 г., когда работа над книгой подходила к концу, мне прислали приглашение на зум-конференцию в Черчилль-колледже в Кембридже, где предполагалось обсудить политику человека, в честь которого колледж получил свое название. Из участников конференции двое были выходцами из Южной Азии. Одна из них, профессор Прия Гопал, была и остается сотрудником колледжа. Нет ничего удивительного, что общий тон выступлений оказался критическим, поскольку дискуссия сосредоточилась на колонизации Индии и ее последствиях, в особен-

ности на голоде в Бенгалии².

Дискуссия прошла в спокойной атмосфере, но за ней последовала шумиха, поднятая в консервативной прессе. Газета *The Daily Telegraph* так озаглавила свой материал от 11 февраля: «Участники рабочей группы в Черчилль-колледже заявляют, что премьер-министр военного времени был белым расистом и "хуже нацистов"». На самом деле никто ничего подобного не заявлял, но уже и этого хватило, чтобы сэр Николас Соумс (внук Черчилля) развернул знамя всеобщего негодования. Как хорошо известно всем, кто регулярно читает сатирический журнал *Private Eye*, интеллектуальное здравомыслие не принадлежит к числу свойств натуры Соумса, и его вмешательство лишь подтвердило этот факт. Однако он был живым потомком политика и целиком предоставил себя в распоряжение сил, ополчившихся на инакомыслящих.

Спонсоры пригрозили отозвать финансирование, семья негодовала, и колледж в спешке распустил свою рабочую группу по теме «Черчилль, раса и империя», которая и организовала наделавшую столько шума конференцию. В знак протеста против этой капитуляции активисты местной ячейки движения Extinction Rebellion (XR) в ту же ночь аккуратно вывели краской слова «Черчилль был расист» на одной из кирпичных стен здания колледжа.

Соумс охарактеризовал дискуссию в колледже как «новое

² Подробнее см. главу 10 настоящей книги. – *Прим. науч. ред.*

дно в нынешней моде на огульное охаивание британской истории вообще и памяти сэра Уинстона Черчилля в частности» и пригрозил публично поставить ребром вопрос о том, заслуживает ли колледж и дальше носить имя Черчилля после проведения в своих стенах столь возмутительного мероприятия. Разумеется, обе стороны спора могли бы предложить лучшие имена: Уэлсли³ или Керзон⁴ от сторонников прославления империи и Ганди или Мандела от их противников. Тем временем группа быстрого реагирования кембриджских XR ответила Соумсу:

В нашем городе множество учреждений, деньги на которые получены благодаря эксплуатации и колониализму. Мы не намерены мириться с тем, что колледжи Кембриджа вводят цензуру, скрывая правду о своих грязных связях в прошлом и настоящем. Наш город, как и страна в целом, отчаянно нуждается в открытом и честном взгляде на наследие Британской империи, которая нанесла огромный ущерб людям по всему земному шару и продолжает причинять вред даже сегодня. С каждым днем все очевиднее становится глубокая взаимосвязь между вопросами глобальной, расовой, социальной и климатической справедливости. Уверенность в том, что обладатели

³ Скорее всего, автор имеет в виду Артура Уэлсли, 1-го герцога Веллингтона (1769–1852), победителя Наполеона при Ватерлоо в 1815 г. – *Прим. науч. ред.*

⁴ Джордж Натаниэль Керзон (1859–1925) – вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924). – *Прим. науч. ред.*

денег, власти и военной силы имеют право как угодно эксплуатировать планету и ее жителей, подразумевает ответственность как за колониализм, так и за нынешнюю критическую ситуацию с климатом и экологией. Мы очень многому научились у борцов с расизмом и не позволим замечать расистскую историю Великобритании под ковер.

Таким образом, спор продолжается. Эта книга – еще один камень все в тот же огород. Она не заикливается исключительно на самом Черчилле и не является биографией в традиционном смысле. Черчилль здесь рассматривается как представитель правящего класса, боровшегося против рабочих и инакомыслящих в своей стране и построившего гигантскую империю за ее пределами. Именно это сочетание обеспечило разгром организаций рабочего класса в Великобритании и колонизацию огромных территорий в Азии и Африке. Не изучив историю всех тех, кто сопротивлялся империализму внутри страны и в колониях, нелегко осознать, почему имя Черчилля до сих пор вызывает враждебность.

Полвека назад в Пномпене за обедом я разговаривал с Лоуренсом Дэйли, лидером шотландских шахтеров. В беседе затрагивались разные темы. Грохот бомб, падавших на Вьетнам, эхом разносился по всему региону. Дэйли был самоучкой, у него была от природы светлая голова, и он не принадлежал ни к одной политической партии. Разговор зашел

о Великобритании. Чем, по его мнению, объясняется проигрыш Черчилля на выборах 1945 г.? Что случилось с бережно пестуемым образом великого военного лидера? После секундного промедления Дэйли ответил: «Никакой загадки здесь нет. Благодаря тори страна оказалась по уши в дерьме. Люди чувствовали, что, если они опять выберут Черчилля, тот заставит их приседать по команде».

Как отметил Эрик Хобсбаум в своей книге «Индустрия и империя» (Industry and Empire), после ста пятидесяти лет постоянного роста британская экономика оказалась в бедственной ситуации, а массовая безработица превратилась в угрозу социальному спокойствию. Черчилль пытался обратить этот процесс вспять, прибегая к любым мерам, которые казались ему необходимыми. Его излюбленным методом было использование силы. В этом он останется непреклонным, ни разу не дрогнет – и не раскается. Он так до конца и не понял, что успехи Америки и Германии во многом обусловлены взлетом научных исследований и развитием технологий. Британские университеты не реформировались, и они продолжали работать по старинке, упустив момент, когда еще можно было догнать США и Германию. Самодовольный правящий класс Великобритании, вскормленный плодами империи, оказался неспособным сократить отставание. Победа 1945 г., прославляемая как «звездный час» Черчилля, обернулась для Британской империи тяжелым поражением.

Черчиллю и его имитаторам – лейбористам Эттли⁵ и Бевину⁶ – потребовалось некоторое время для того, чтобы полностью осознать значение этого факта. Черчилль соглашался на роль второй скрипки, если ему предоставлялась возможность изображать первую, выступая с прокламациями в духе холодной войны, которые чаще всего забавляли, а иногда раздражали новых хозяев западного мира. Руководители США внешне потакали ему, а сами тем временем следовали своим курсом, с переменным успехом прибирая к рукам европейские и японские колонии.

Врожденный расизм Черчилля никуда не делся и стал проявляться внутри страны, когда нехватка трудовых ресурсов вызвала потребность ввозить рабочих из бывших колоний в Вест-Индии и Южной Азии. В последние недели своего пребывания на Даунинг-стрит он, как и прежде, был непреклонен. Министр обороны в его правительстве Гарольд Макмиллан (позднее ставший премьер-министром) 20 января 1955 г. записал в своем дневнике: «[В кабинете] продолжается обсуждение вопроса об иммигрантах из Вест-Индии. Предлагается законопроект, но эта проблема не из легких. По мнению п.-м. [Уинстона Черчилля], "Сохраним Англию

⁵ Клемент Эттли (1883–1967) – лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании (1945–1951). С 1942 по 1945 г. был заместителем У. Черчилля в военном кабинете. – *Прим. науч. ред.*

⁶ Эрнест Бевин (1881–1951) – деятель профсоюзного движения Великобритании, занимал пост министра труда в военном кабинете У. Черчилля; министр иностранных дел в правительстве К. Эттли (1945–1951). – *Прим. науч. ред.*

белой" – неплохой лозунг»^[1]. Лет десять спустя, столкнувшись с выкриками расистов на одном из уличных митингов, я закричал им в ответ: «Мы здесь, потому что вы были там. И у нас тут еще лет сто пятьдесят в запасе». На какое-то время они заткнулись, но не думаю, что им удалось до конца понять эту диалектику. Черчилль ее тоже не понял.

Ровно это я и пытаюсь продемонстрировать в своей книге, сопровождая описание жизни Черчилля-политика политическим и историческим анализом, который идет вразрез с его взглядами и взглядами его многочисленных последователей. Центральная тема – история бескомпромиссного сопротивления (слабого или сильного), борьба рабочего класса и восстания в колониях; таким образом, книга вступает в диалектические отношения с текстами, авторы которых боготворят Черчилля.

Возникшее в последние годы антиколониальное движение в университетских кампусах по всему миру стало дополнительным стимулом для написания книги о Черчилле. Еще одним толчком стало то, что Барак Обама и чуть позже Джо Байден убирали бюст Черчилля из Овального кабинета (до терактов 11 сентября и начатой Джорджем Бушем – младшим войны в Ираке и Афганистане лишь немногим было известно, что такой бюст вообще существовал). Они поступили так из-за зверств британцев в Кении и той роли, которую Черчилль сыграл в Ирландии, – двух преступлений империи, в которых он обвиняется в этой книге. Одна-

ко удаление бюста было жестом скорее символическим. Обама и Байден выступают как новые колонизаторы, как современные наследники Черчилля и Керзона, короля Леопольда⁷ и Салазара⁸. Страна, которой они руководят, – единственная подлинная империя современности, ее позиции намного сильнее, чем у Британской империи даже на пике ее могущества, и на совести Америки больше военных преступлений, чем у любой другой страны мира.

Противники колониализма в Великобритании и антирасисты в Соединенных Штатах снесли или потребовали убрать статуи рабовладельцев и негодяев, таких как Родс⁹ (которым Черчилль крайне восхищался). Статую самого Черчилля всего лишь измазали красной краской, отметив таким образом День памяти жертв империи. Я не сторонник сноса его статуи, как и памятников большинству других великих

⁷ Король Бельгии Леопольд II (1865–1909), в его личном владении находилось так называемое Свободное государство Конго, в котором была организована система жестокой эксплуатации африканцев. Подробнее см. подглавку «Дележ Африки» в главе 1 данной книги. – *Прим. науч. ред.*

⁸ Антониу ди Салазар являлся правителем Португалии с 1932 по 1968 г. Был последовательным сторонником сохранения колониальных владений в Африке. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Сесил Родс (1853–1902) – британский и южноафриканский политический деятель, получил славу «строителя империи», также занимался филантропией. В 2015 г. в ЮАР развернулась кампания за снос памятника Родсу в Кейптаунском университете. Схожие требования стали выдвигаться и к руководству Оксфордского университета в Великобритании, которому Родс пожертвовал значительную сумму денег. – *Прим. науч. ред.*

полководцев империи и военачальников рангом пониже. Это было бы неразумной попыткой стереть три столетия британской истории. Похожий процесс в Соединенных Штатах означал бы разрушение памятников большинству отцов-основателей просто в силу того, что они были рабовладельцами.

Гораздо важнее было бы потребовать – и реализовать – права на установку мемориальных табличек с критикой официальной точки зрения, чтобы те, кто приходит осмотреть ту или иную достопримечательность, смогли ознакомиться с обеими позициями в этом споре и составить на этот счет собственное мнение. И разумеется, нужно требовать установки новых памятников – тем, кто находился по другую сторону баррикад. Настоящая книга написана именно ради этого – чтобы бросить вызов сложившемуся историко-политическому консенсусу, который выглядит незыблемым, но, по сути, весьма уязвим. Именно благодаря этому история остается волнующей, противоречивой, наполненной конфликтами повестью о том, что происходило с людьми по всему миру, какой она и была всегда.

Благодарности

В самом начале следует особо подчеркнуть, что никто из тех, кто мне помогал, не несет ответственности за аргументацию и выводы этой книги. Один из них – Майк Дэвис, мой старый товарищ из Калифорнии и выдающийся историк, который еще около десяти лет назад доказывал, что такую книгу необходимо написать. Надеюсь, что он не слишком разочарован. Я прежде всего благодарен моим издателям: Джоанн Выпиевски из Буффало, штат Нью-Йорк, и Лео Холлису из закрытого на локдаун Лондона. Лео, конечно, давно привык к моим эксцентричным заявлениям и старается по возможности удалять их из текста. Он настоял на том, чтобы я объединил одни главы книги и изменил структуру некоторых других, что в итоге оказалось весьма полезным. Джоанн – мой старинный друг и очень требовательный издатель. В сочетании их усилия дали прекрасный результат.

За помощь на первом этапе исследований, подразумевавшем знакомство с обширным списком литературы, я должен поблагодарить Пабло Брэдбери, который в то время работал стажером в издательстве Verso. За прочтение и составление рецензий на три книги о голоде в Ирландии и Индии, а также на роман самого Черчилля я должен сказать спасибо моему внуку Джордану Бомонту, чей промежуточный год между школой и университетом совпал с локдауном. Его

брат Алим спас рукопись при внезапной поломке компьютера и потребовал за это свои десять фунтов. Себастьян Баджен, как обычно, пришел на помощь, переслав мне множество полезных документов из самых разных источников.

За доступ к материалам личного и политического характера, весьма пригодившихся мне для главы о Греции, я очень признателен Гелле Скурас, с которой мы дружим с 1967 г., а также Джейн Гэбриел, которая (с помощью Геллы) выпустила на 4-м канале документальный фильм о гражданской войне в Греции, ставший потрясением для британского истеблишмента. Дэниел Финн, мой коллега по журналу *New Left Review*, прочитал в рукописи главу об Ирландии и указал на некоторые ошибки. Он предлагал добавить или убрать кое-какие части, но в конце концов дал мне зеленый свет. Дэвид Харви поделился со мной очень личным эпизодом из своей биографии.

По мере того как нарастал беспорядок в моем кабинете, местный умелец и сторонник Корбина Джон Пёрселл, пришедший совсем по другому делу, за неделю собрал для меня вращающуюся книжную полку – крайне облегчивший мою жизнь и очень товарищеский поступок, который я никогда не забуду.

Со стороны издательства Verso контроль за качеством осуществляли Марк Мартин в Бруклине и Боб Бхамра в Лондоне. Тим Кларк, уже накопивший большой опыт, выступил в качестве литературного редактора.

Я от души благодарен им всем, а также многим другим людям.

Тарик Али

Лондон, 20 сентября 2021 г.

Введение

Культ Черчилля

*Несчастлива та страна, которая нуждается
в героях.*

БРЕХТ. ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ

*Прежние наши раздоры приписывайте
не человеческой природе, а условиям тех времен.
Ныне же, когда времена переменились, вы
можете установить лучшее правление и надеяться
на лучшую судьбу для отечества.*

МАКИАВЕЛЛИ. ИСТОРИЯ ФЛОРЕНЦИИ

30 мая 1945 г., через месяц после того, как Гитлер совершил самоубийство, а Берлин был освобожден Красной армией под командованием Георгия Жукова и Ивана Конева, через двадцать один день после того, как Вторая мировая война в Европе закончилась капитуляцией Германии, самый уважаемый британский историк либерального направления Дж. М. Тревельян выступил с публичной лекцией в переполненном зале Конуэй-холл, расположенном на Ред-Лайон-сквер, в центре Лондона. Ни победа союзников, ни Уинстон Черчилль в лекции не упоминались. Ни разу.

Вместо этого Тревельян упорно придерживался заявленной темы – «История и читатель». Прославившись в свое

время тем, что отверг понимание истории как точной науки, он предложил свой, альтернативный взгляд на предмет, в рамках которого он, в отличие от «занудных» историков, подчеркивал важность истории одновременно как рассказа о событиях прошлого, опирающегося на проведенные со всей возможной тщательностью исследования, и как рода литературы. Однако ж он не смог отказать себе в легком намеке на недавние события и сделал это не без толики типично английского самодовольства. Великобритания, сказал он, обладает сбалансированным подходом к истории. Последуй другие страны ее примеру, и мир, возможно, был бы лучше просвещен.

Тон его выступления был исполнен величия, а поза являла собой позу античного мудреца. «Некоторые страны, – заявил он, – такие как Ирландия, *слишком* зациклены на истории, в том смысле, что они вообще не способны освободиться от прошлого». «Тем же немцам, – заметил он далее, – была навязана односторонняя ультрапатриотическая версия исторических событий. Вред, проистекающий от подобного одностороннего взгляда на историю, в современном мире не поддается измерению. Если история используется как разновидность пропаганды, она становится смертельным оружием». Единственной альтернативой была «история в том виде, в котором она сейчас преподается и пишется в Англии. Здесь, у себя дома, мы больше страдаем от незнания истории, чем от злоупотребления ею».

Эта последняя фраза по-прежнему сохраняет актуальность. Историю Англии саму по себе невозможно понять без учета того, что с ней тесно переплетены истории других народов. Тревельян не посчитал нужным как-то объяснить причины, по которым, например, ирландцы одержимы историей. Возможно, ему следовало обратить внимание на слова своего единомышленника: «Что знают об Англии те, кто только Англию знают?» – горестно восклицал Киплинг.

Далее Тревельян пустился в подробные разъяснения, каким образом культурные предрассудки и незнание истории могут отправить древние цивилизации (за пределами Греции и Рима) на свалку. На этом спотыкались даже самые лучшие историки. Будучи королевским профессором истории в Кембридже, он с высоты своего положения упомянул Карлейля и Маколея (который приходился ему двоюродным дедом) и обратил внимание на то, что и они испытывали те же затруднения. Каким образом? Войдя в роль старосты цеха официальных историков, Тревельян рассудил, что те «больше преуспели бы в своем ремесле как историки, если бы смогли прослушать академический курс истории, который читался в конце XIX в. – живи они в это время, – а не в его начале».

Намереваясь создать классификацию ученых-историков, Тревельян затем погрузился еще глубже, в XVIII в.: «В лице Гиббона история и как наука, и как искусство достигла своей вершины, и с тех пор это достижение никому не удалось

превзойти». Правда, в период с 1776 по 1789 г., когда состоялась первая публикация его «Истории упадка и разрушения Римской империи»¹⁰, среди читателей преобладали другие мнения. Шеститомник Гиббона был пронизан духом интеллектуальной свободы, а его бесстрашные нападки на христианство за ту роль, которую оно сыграло в упадке Рима, у многих вызывали как льстивое одобрение, так и осуждение. Епископы официальной церкви вышли на тропу войны, а оппозиционно настроенный Уильям Блейк¹¹ проклял автора за издевательский тон. Судя по всему, в чем-то Гиббон был прав.

Критически написанной – в духе Гиббона – истории Британской империи так, увы, и не появилось. Помимо прочего, в ней фигурировало бы христианство, а также ислам (Гиббон без каких-либо предрассудков допускает, что, если бы последователи Пророка не проиграли одну или две ключевые битвы, Нотр-Дам вполне мог бы стать очаровательной мечетью, а сладкозвучный арабский язык Корана слышался на вечер-

¹⁰ Первый русский перевод (сокращенный) В. Н. Неведомского был опубликован под этим названием в Москве в 1883–1886 гг. (тип. В. Ф. Рихтера). Переиздан в исправленном и дополненном виде в 1997–2000 гг. в Санкт-Петербурге (изд-во «Наука» РАН совместно с «Ювентой»). – *Прим. пер.*

¹¹ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт, художник и гравер; находил под влиянием идеалов Войны за независимость североамериканских колоний и Французской революции. Его критика распространялась не только на труды Э. Гиббона, но и на работы других историков эпохи Просвещения. Блейк считал, что сами человеческие действия являются историей, а не тот смысл, который в них вкладывают историки. – *Прим. науч. ред.*

них церковных службах в Оксфорде). Если бы такая история была написана в конце XIX или в начале XX в., она обязательно вызвала бы оживленное обсуждение проблем империи и заставила бы позднейших историков (на ум приходит Мэри Маргарет Кей¹²) быть более осторожными в своих оценках и гипотезах. Она также повысила бы качество школьного и университетского образования.

Читатель может спросить: какое отношение все это имеет к Уинстону Черчиллю?

Точно так же как нам никогда ранее не приходилось сталкиваться с правдой об империи, нам не удавалось как следует присмотреться и к нашим привычным домашним божествам. Таким образом, честного и откровенного исторического разбора до сих пор так и не получилось. Тревелиян практически проигнорировал фигуру Черчилля в своей 900-страничной «Истории Англии» (History of England). Он упоминает его всего в трех местах: первый раз – как убежденного сторонника «фритредерства»¹³ в кабинете Бальфура, второй раз – как члена Либеральной партии, «осматривающегося вокруг в поисках своего королевства», и, наконец, в рассказе о событиях 1940 г., когда Англия, столкнувшись

¹² Мэри Маргарет Кей (1908–2004) – британская писательница, ее самый известный исторический роман – «Далекie шатры». Его главный герой – британский офицер, которого воспитала индийская няня, ставшая его приемной матерью. Действие разворачивается на фоне Большой игры между Британской империей и Россией в Центральной Азии. – *Прим. науч. ред.*

¹³ Свободы торговли (*англ.* free trade). – *Прим. науч. ред.*

с «наивысшей опасностью» и вспомнив «былое мужество», «в лице Уинстона Черчилля обрела свой символ». То, что этот символ напрочь отсутствовал в выступлении Тревелияна в Конуэй-холле, помогает взглянуть на факты в некоторой перспективе.

Вместо того чтобы стать предметом тщательного исторического анализа, Черчилль превратился в отполированную икону, культ которой давно вышел из-под какого-либо контроля. Любопытно, что на протяжении всех пяти стадий его жизни – заграничных приключений, Первой мировой войны, двадцатилетнего перемирия в «европейской гражданской войне», Второй мировой войны и заключительного периода его пребывания в должности – это был весьма сдержанный культ. Даже в разгар немецкого Блица не было и в помине ничего подобного тому, что произошло позднее усилиями политиков-тори и целой плеяды консервативных и либеральных историков.

Двум кинофильмам, вышедшим в 2017 г., предшествовали многочисленные биографии. На сегодняшний день о Черчилле написано более 1600 книг. Ему посвящено несколько полок в отделе биографий Библиотеки Лондона, а еще больше – в Британской библиотеке, и это не считая обильных плодов его собственного литературного творчества. Среди биографий особое место занимает тяжеловесное надгробие в восьми томах, сооружение которого стало делом жизни сэра Мартина Гилберта, а основание заложено еще сыном Чер-

чилля Рэндольфом. Есть консервативная версия биографии за авторством Эндрю Робертса, а чуть раньше вышла более краткая биография от Роберта Блейка. Кроме того, существует написанная в великолепном стиле и с изумительной ясностью 1000-страничная книга прекрасно эрудированного либерального политика Роя Дженкинса. Помимо перечисленных, есть и другие работы, публиковавшиеся по большей части в 1980-е гг. или позднее. Самой объективной является биография, написанная Клайвом Понтингом, но, к сожалению, весь ее тираж распродан. Из последних новинок стоит упомянуть книгу («бестселлер номер один», ни много ни мало) за авторством Бориса Джонсона, нынешнего премьер-министра Соединенного Королевства¹⁴.

Книга Джонсона на многое открывает глаза. В то время как некоторые консервативные историки выражают досаду по поводу той очевидной легкости, с которой Черчилль переходил из одной политической партии в другую, – Роберт Родс Джеймс подчеркивает, что колеблющаяся позиция Черчилля до 1939 г. вызывала заслуженную критику современников, – Джонсон дает понять, что на протяжении значительного отрезка своей политической карьеры Черчилль вел себя как человек, не принадлежащий ни к одному лагерю и ожидающий наступления своего звездного часа. Этот час, согласно общепринятому мифу, настал в 1939 г. Но даже здесь

¹⁴ Борис Джонсон занимал пост премьер-министра с 2019 по 2022 г. – *Прим. науч. ред.*

историки не могут прийти к согласию. Черчилль, как утверждают некоторые, был ярким противником политики умиротворения агрессора и буквально спас положение. В отличие от них, Джон Чармли в своей вышедшей в 1993 г. книге «Конец славы» (The End of Glory) настаивал на том, что карьерный оппортунизм Черчилля стал причиной многочисленных ошибок. Отказавшись вести переговоры о мире с Гитлером в 1940 г. и обратившись вместо этого за помощью к США, Черчилль приблизил закат Британской империи.

В своей неопубликованной дневниковой записи Чипс Ченнон¹⁵ вспоминает неудачный клубный обед в компании других сторонников умиротворения из Консервативной партии в тот день, когда Черчилль в качестве нового премьер-министра был допущен к монаршей руке в Букингемском дворце. Он приводит слова, сказанные Ричардом Батлером¹⁶: «Теперь в качестве премьера у нас полукровка». На следующий день или чуть позже председатель образованного консерваторами-заднескамеечниками «Комитета

¹⁵ Генри Чипс Ченнон (1897–1958) – британский политик американского происхождения, поддерживал политику умиротворения Н. Чемберлена. Неоднократно посещал нацистскую Германию в 1930-е гг., с одобрением высказывался о проводимой Гитлером политике, в своих дневниках благожелательно отзывался о созданных нацистами лагерях, в которых содержались противники режима. – *Прим. науч. ред.*

¹⁶ Ричард Остин Батлер (1902–1982) – британский политик, член Консервативной партии, последовательный сторонник политики умиротворения Германии, в 1938–1941 гг. занимал пост парламентского заместителя министра иностранных дел Великобритании. – *Прим. науч. ред.*

1922 г.»¹⁷ доложил, что «три четверти членов комитета готовы дать Черчиллю пинка» и вернуть Невилла Чемберлена, архитектора Мюнхенского соглашения с Гитлером. В книге «Фактор Черчилля» (The Churchill Factor) Борис Джонсон яркими красками рисует ту ненависть, которая изливалась в адрес Черчилля со стороны целого ряда консервативных членов парламента, и целиком становится на сторону своего героя: «Чтобы руководить страной в условиях войны, Черчиллю было необходимо обуздать не только унылых героев Мюнхена – Галифакса и Чемберлена, – но и сотни консерваторов, которые привыкли думать о нем как об оппортунисте, перебежчике, хвастуне, эгоисте, дряни, пройдохе, невеже и, если судить по нескольким хорошо известным эпизодам, как о конченом пропойце». Далее он цитирует письмо Нэнси Дагдейл своему мужу Томми, стороннику Чемберлена в парламенте, который в то время находился на военной службе. Она описывает настроения, царившие внутри Консервативной партии:

Они относятся к У. Ч. с абсолютным недоверием, как ты знаешь, и они ненавидят его хвастливые выступления на радио. У. Ч. действительно является английской копией Геринга – жаждущей крови, блицкрига и раздувшейся от самомнения и переедания, а в его жилах течет такое же вероломство вперемешку

¹⁷ Комитет объединял рядовых парламентариев (так называемых заднескамеечников) Консервативной партии. – *Прим. науч. ред.*

с героической риторикой и пустым бахвальством. Не могу выразить, насколько все это меня угнетает^[2].

Кем и чем был Черчилль? Был ли он всего лишь пухлым карпом, с радостью готовым плавать даже в самом грязном водоеме, если при этом удовлетворялись его собственные карьерные устремления, а также нужды империи (разницы между первым и вторым для него не существовало)? Наверное, в нем было и еще что-то, однако едва ли слишком много. Чем же в таком случае объясняется его превознесение – и обретение им статуса культовой фигуры?

Культ в строгом смысле слова, со всеми сопутствующими эксцессами возник далеко не сразу после окончания Второй мировой войны. Энтони Барнетт¹⁸, выступая с острой критикой Фолклендской (Мальвинской) войны, которую в 1982 г. устроило правительство Маргарет Тэтчер, предположил, что зарождение «черчиллизма» было связано с необходимостью пропагандистского обеспечения этого конфликта. Его горячо и весьма неожиданно поддержал Майкл Фут, тогдашний лидер лейбористов. Вот как пишет Барнетт:

Черчиллизм служит как бы каркасом, который основные течения британской политической культуры оплетают своими разноцветными нитями. Несмотря на то что в его символической основе находится

¹⁸ Энтони Барнетт (род. 1942) – британский публицист, журналист и политический активист левого толка. Сотрудничает со многими левыми и леволиберальными изданиями Великобритании. Создатель медиаплатформы openDemocracy. – *Прим. науч. ред.*

реальная историческая фигура военного времени, черчиллизм в корне отличен от личности самого Черчилля. Как известно, настоящего Черчилля лишь против его воли и с большим трудом удалось поместить в рамки политических практик и партий, которые он вроде как воплощал собой. Но идеология представляет собой нечто гораздо большее, чем влияние отдельной личности, – и как раз это является секретом ее силы и живучести^[3].

Можно добавить, что эта сфабрикованная любовь к Черчиллю и то, как используется его образ, стали выражением ностальгии по империи, которая давно ушла в небытие, но которую в свое время поддерживали все три основные политические партии¹⁹, а также крупные профсоюзы^[4]. «Славные дни» прошлого прочно укоренились в историческом сознании британцев. И как только возникала необходимость – как это случилось в 1982 г., когда обществу очень трудно было смириться с реальностью, в которой Великобритания была всего лишь парой островов на севере Европы, – на помощь призывалось имя Черчилля. Победоносная война Тэтчер обеспечила ей еще один срок пребывания в должности премьер-министра и сформировала ее героический образ женщины-лидера. В своих выступлениях она даже стала называть Черчилля по имени – Уинстон, как если бы была знакома с ним лично.

¹⁹ Имеются в виду Консервативная, Либеральная и Лейбористская партии Великобритании. – *Прим. науч. ред.*

Социальный историк Пол Аддисон соглашается с Барнеттом в том, что конфликт на Фолклендах сыграл важную роль в перезапуске культа Черчилля. В своем обзоре четырех новых книг, вышедших в 1980-е гг., он высказал мнение, что наблюдаемый культурный и политический регресс можно объяснить неудачной попыткой модернизации страны, предпринятой Гарольдом Уилсоном²⁰ и Эдвардом Хитом²¹ в 1960-х и 1970-х гг.: «Как минимум в духовном смысле Черчилль пережил их всех и вновь занял свое место в британской политике в качестве одного из домашних идолов – хранителей миссис Тэтчер». Далее, однако ж, Аддисон пишет, что в те же самые десятилетия он почувствовал освежающее дуновение, способное снести старую пыльную паутину: «Патриотический пафос – за исключением фильмов о Джеймсе Бонде, где он демонстрируется как форма упадка и саморазрушения, – был оскорбителен для духа времени. Старые военно-империалистические сюжеты стали приемлемы лишь настолько, насколько в них присутствовали антивоенные настроения и социальная сатира, как в фильме Тони Ричардсона «Атака легкой кавалерии» (Charge of the Light Brigade)^[5].

Когда в 1974 г. в Ноттингемском театре состоялась пре-

²⁰ Гарольд Уильсон (1916–1995) – британский политик-лейборист, премьер-министр Великобритании (1964–1970, 1974–1976). – *Прим. науч. ред.*

²¹ Эдвард Хит (1916–2005) – британский политик-консерватор, премьер-министр Великобритании (1970–1974). – *Прим. науч. ред.*

мьера пьесы Говарда Brentона «Черчилль» в постановке Ричарда Эйра, она была тепло принята публикой и получила благоприятные отзывы большинства критиков. Степенный и уважаемый Гарольд Гобсон в своем отзыве на пьесу, опубликованном в *The Sunday Times*, выразил некоторое удивление ее резким тоном — однако пьеса, как ему показалось, навела на размышления: «Навязчивая и тревожная мысль, выраженная в мощной пьесе мистера Brentона, заключается в том, что человек, которого Англия избрала своим лидером [в 1940 г.], был не тем, кто ей нужен...»

Пьеса начинается со сцены похорон Черчилля. Люди в военной форме, несущие гроб, вдруг слышат громыхания, которые доносятся из катафалка. Они в ужасе смотрят друг на друга:

ВОЕННЫЙ МОРЯК: Сейчас он вылезет! Сейчас он вылезет! Я верю, что он сможет. Такой, как он, способен на все. (*Яростно.*) Так приструнить рабочих! (*Давится кашлем. Откашливается. Яростно.*) Мы в Уэльсе ничего ему не простили. Он войска против нас посылал, все руки в крови. Против уэльских шахтеров в 1910-м солдат посылал... Он был нашим врагом. Ненавидели мы его тушу жирную. Тушу эту жирную английскую аристократическую. Когда они собирали деньги на статую перед зданием парламента... Ни один городской или окружной совет во всем Уэльсе не стал в этом участвовать...

РЯДОВОЙ: Дык он ж войну выиграл. Это уж, как ни

крути, его заслуга.

ВОЕННЫЙ МОРЯК: Войну выиграл народ. А он просто бухал со Сталиным...

ЧЕРЧИЛЛЬ (из гроба): Англия! Старая дура! Ты вконец износилась! Недостойная. Неблагодарная. После всего, что я сделал для тебя. Жалкая шлюха!

ЧЕРЧИЛЛЬ: *вырывается из гроба, замотанный в британский флаг. Актер, играющий Черчилля, должен точно его скопировать. Его лицо – маска. В пальцах он сжимает незажженную сигару. Военный караул поворачивается и расступается, держа винтовки на изготовку.*

В Соединенных Штатах успехи в продвижении образа Черчилля, которого изображали «янки Мальборо»²², напрямую зависели от менявшихся приоритетов на фронтах науки и культуры.

В середине 1980-х гг. тэтчеровско-рейгановский экономический консенсус потребовал корректировок в политической и культурной сферах, а также изменений в массовой психологии, соответствующих духу начала эпохи нового мирового порядка. Для глобального англоязычного рынка понадобились новые истории. Как следствие, под этот

²² Среди предков У. Черчилля были Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, главнокомандующий английской армией в Войне за испанское наследство (1702–1714), и Леонард Джером, американский финансист и предприниматель. Прозвище «янки Мальборо» использовалось в качестве заглавия к биографии У. Черчилля американского историка Р. Томпсона, опубликованной в 1963 г. – *Прим. науч. ред.*

запрос стали адаптировать многочисленные британские документальные фильмы, художественные фильмы и сериалы. Из фондов британской индустрии культуры для американской публики подходили экранизации произведений Джейн Остин, причем каждая последующая была еще грубее и тупее, чем предыдущая. С немалым удовольствием американцы потребляли костюмные мыльные оперы, где прославлялись представители правящих классов эпохи до 1945 г. Черчилль стал исправным источником калорий в этом рационе. Британский актер Роберт Харди умудрился сыграть его аж в трех фильмах: «Уинстон Черчилль: глухие годы» (Churchill: The Wilderness Years), «Война и память» (War and Remembrance) и «Черчилль: 100 дней, которые спасли Британию» (Churchill: 100 Days That Saved Britain).

При жизни Черчилль, как и Тревельян, хорошо понимал значение истории и – не в последнюю очередь – значение своей роли в ней. В его остроумной похвальбе – «Я не всегда бывал неправ. История оправдает меня, в особенности если я сам возьмусь за ее написание» – была лишь доля шутки. Ведь это именно то, чем он занимался с начала своей карьеры, выдавая на протяжении последующих десятилетий все новые самооправдания.

Сейчас, в начале XXI века, канонизированный образ Черчилля как главного полководца империи подвергается критике со стороны небольшого, но эффективно действующего

меньшинства противников колониализма. В этом нет ничего необычного, если оглянуться на прецеденты в прошлом. Как отметила антиковед Мэри Бирд в своем регулярно обновляемом блоге A Don's Life на сайте *The Times Literary Supplement*²³, такова была судьба многих римских цезарей в эпоху существования той империи. Традиция сохранялась и в позднейших империях Европы. Одним из самых кровавых преступников, которых когда-либо порождала Европа, был король Бельгии Леопольд. Его правление в Конго – стране, которой он распоряжался как своей собственностью, – и совершенные за это время зверства привели к гибели нескольких миллионов африканцев. Его статуи в Бельгии сносили весной 2020 г. во время протестов, вызванных движением Black Lives Matter в США. Был ли снос статуй всего лишь секундной судорогой, после которой все опять вернется к постимперскому благообразию (как это часто бывает), покажет будущее.

Несмотря на бесспорный талант Черчилля по части саморекламы, что в свое время изрядно раздражало его либеральных и консервативных коллег, ему в конечном итоге не потребовалось «самому браться за написание истории». Он был бы в восторге не только от усердия эпигонов, полирующих его образ, но и от беззубой критики тех немногих, кто

²³ *The Times Literary Supplement* (TLS) – британский журнал, посвященный литературной критике. Начал публиковаться с 1902 г. как приложение к газете «Таймс». Блог Мэри Бирд находится по адресу <https://www.the-tls.co.uk/categories/regular-features/mary-beard-a-dons-life/> – Прим. пер.

выступает против. Он всегда внимательно следил за книжным рынком – и не сильно переживал из-за отрицательных отзывов, если они помогали увеличить продажи. Денег постоянно не хватало.

Вряд ли, однако ж, он отнесся бы столь же терпимо к выступлениям против имперской миссии Великобритании – будь это критика в его личный адрес из уст бывших подданных британских колоний или атаки на его статуи со стороны протестующих английских студентов сегодня. Империализм был истинной религией Черчилля. Он никогда этого не стыдился. Он воздвиг империализму алтарь еще до того, как стал его верховным жрецом. Британская империя, в то время владычица самых обширных колоний, вселяла в него благоговение как величайшее достижение человечества.

Рука об руку с этим шли идеи расового и цивилизационного превосходства, в которые он верил – и которые активно пропагандировал. Но на эти идеи, как и на любые другие вопросы внешней и внутренней политики, Черчилль смотрел через призму сохранения и защиты империи. Идея расы отступала на задний план в ситуации, когда враги Британской империи оказывались белыми и принадлежали к той же «цивилизации». Черчилль восхищался неукротимостью бу-ров в Южной Африке, но не яростным сопротивлением пуштунских племен, с которыми британцы столкнулись на северо-западной границе Индии. Он с уважением отзывался о боевых качествах наемников-гуркхов, но лишь потому,

что англичане сами занимались их подготовкой в качестве вспомогательных войск империи. Третий рейх, конечно, был ужасным, но не настолько отвратительным, как японцы, которые, в свою очередь, стали вызывать ненависть только после того, как атаковали британские колонии в Азии.

Идея империи настолько подчинила себе все политическое мышление Черчилля, что не было такой рискованной авантюры, такого тяжкого преступления или такой бессмысленной войны, от которых он бы отказался, если на кону стояли британские владения, глобальная гегемония и коммерческие интересы. Политические катаклизмы и конфликты внутри страны, если они угрожали сложившемуся статус-кво, тоже должны были получать жесткий отпор. В интересах своей карьеры Черчилль мог произвольно менять политические партии, но это редко сказывалось на его политических взглядах.

Практически любое появлявшееся на свет реакционное течение могло рассчитывать на поддержку со стороны Черчилля. Он мог не возражать против того, чтобы женщины высшего и среднего класса катались на велосипедах и играли в теннис или, будучи замужем, открывали собственные банковские счета и носили вечерние платья с разрезом. Что он на дух не переносил, так это идею расширения демократических свобод. Предоставление женщинам избирательных прав, заявлял он, «противоречит естественным законам и практике цивилизованных стран... к этим пра-

вам стремятся лишь женщины самого неприятного толка. Те женщины, которые выполняют свой долг перед государством, то есть выходят замуж и рожают детей, имеют достаточное представительство в лице своих мужей... Я буду неуклонно выступать против этого нелепого движения»^[6].

Боевое крыло движения суфражисток вызывало у него особенное раздражение. Как и многие другие мужчины и женщины, он полагал, что предоставление женщинам избирательных прав удвоит количество избирателей от рабочего класса. Голоса, поданные за кандидаток-женщин, бросали вызов мужской монополии в политической и во многих других сферах. Ни в Либеральной, ни в Консервативной партии, в которых он в разное время состоял, он никогда не скрывал своих воззрений на этот вопрос. Это хорошо видно по эпизоду, когда он столкнулся с Сильвией Панкхёрст:

Прямо во время массового митинга Либеральной партии накануне всеобщих выборов 1906 г. суфражистка собиралась задать вопрос – готовая к тому, что ее грубо выпроводят вон, как это всегда происходило в подобных случаях. Выступал Уинстон Черчилль, хорошо известный своим «особенно оскорбительным отношением» к сторонницам избирательных прав для женщин. Когда суфражистка встала и задала вопрос: «Предоставит ли Либеральная партия право голосовать женщинам?» – он просто проигнорировал ее, но затем, когда некоторые из присутствовавших мужчин потребовали ответа,

председатель пригласил суфражистку задать свой вопрос с трибуны. После того как она это сделала, Черчилль грубо взял ее за руку и усадил на стул прямо на платформе для выступающих, сказав: «Нет, вам придется ждать здесь, пока вы не выслушаете, что я собираюсь сказать», а затем обратился к аудитории: «Ничто не заставит меня проголосовать за предоставление женщинам избирательного права». Тут же все находившиеся на трибуне мужчины поднялись со своих мест, полностью скрыв суфражистку от публики, а другие тем временем вытолкали ее в заднюю комнату. Кто-то пошел за ключом, чтобы запереть ее там, а один человек, стоявший у двери, «начал очень агрессивно выражаться и, назвав ее кошкой драной, принялся размахивать руками так, будто собирался расцарапать ей лицо». Она подбежала к зарешеченному окну и стала звать на помощь людей на улице. Угрожавший ей мужчина ушел, а из толпы показали на окно с решеткой, в которой недоставало нескольких прутьев. Суфражистка вылезла через него, а затем, по просьбе собравшейся толпы, сама произнесла спонтанную речь^[7].

Во многих религиях древности существовали сакральные фигуры, выполнявшие особые функции. Самой важной из них была роль связующего звена: практически все привязывалось к нему и объединялось через него. В политическом смысле за всю свою жизнь Черчилль никогда не играл эту

роль, за исключением короткого периода в самый разгар войны. Но даже тогда выступавшим против него критикам редко затыкали рот. «При демократии идолопоклонство – грех», – резко заявил Эньюрин Бивен, представлявший в парламенте левое крыло лейбористов, когда потоки лести стали чрезмерными.

По своему стилю Черчилль часто бывал импульсивен, практически всегда непоследователен, иногда хаотичен, но при этом в нем был некий особый динамизм, который, несмотря на его классовое происхождение, делал его выступления простыми и понятными. Он одинаково комфортно чувствовал себя во дворце Бленхейм²⁴ и в мрачных коридорах политического закулисья. Он стал премьер-министром в то время, когда Великобритания столкнулась с кризисом, угрожавшим самому ее существованию, притом что как элита страны, так и простые граждане были серьезно разделены в оценках той угрозы, которую представлял Третий рейх. До того момента он был не более чем сообразительным политиком, занятым построением собственной карьеры и отчаянно стремившимся вскарабкаться как можно выше. Ради этого он был готов испачкать руки. И очень сильно их испачкать. Эта сторона его личности была обыграна в попу-

²⁴ Бленхейм (англ. Blenheim) – родовое имение герцогов Мальборо в Оксфордшире, Англия. Получило свое название в честь победы при Бленхейме (нем. Blindheim) в Баварии, одержанной в 1704 г. англо-австрийскими войсками над франко-баварцами в ходе Войны за испанское наследство. Англичанами командовал Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо. – *Прим. пер.*

лярном телесериале «Острые козырьки» на канале «Би-би-си». В нем есть сцена, где Черчилль оказывает содействие сотруднику Особого отделения, которому поручено физически ликвидировать сторонников группировки «Шинн Фейн»²⁵ на всей территории Мидлендса.

Его довоенная карьера, на всем протяжении которой он превозносил жестокости в колониях и призывал к подавлению выступлений рабочего класса внутри страны, осталась в памяти его противников среди населения. В рассказе «Надежная работа» (A Safe Job), опубликованном в конце 1950-х гг. в журнале *The New Reasoner*, Питер Барнс изобразил активиста Лейбористской партии из лондонского Ист-Энда – района, которому обитавшие там рабочие-мигранты, по большей части евреи, а также редкие неевреи, обеспечили устойчивую репутацию средоточия радикальной политики. В первом же абзаце хорошо ощущается дух эпохи:

Мой дядя Натаниэль был человеком, который в 1929 г. швырнул в Черчилля кирпичом. Он всегда жалел о том, что промазал. Это произошло, когда Черчилль выступал с речью во время избирательной кампании в Ист-Энде. Толпа совсем распоясалась и попыталась напасть на него. В спешке ретировавшегося к ожидавшей его машине политика провожали насмешками, улюлюканьем, а также пролетевшим мимо цели кирпичом. Его бросил мой

²⁵ Политическая организация ирландских националистов, основанная в 1905 г. – *Прим. науч. ред.*

дядя. Всю свою жизнь он был активным социалистом. Он очень любил рассказывать эту историю...

Такого рода инциденты вовсе не были уникальными – и в опасные военные годы тоже. Известный географ Дэвид Харви вспоминает:

Моя бабушка делала покупки только в кооперативном магазине, и, когда мне было лет восемь-девять (в 1943–1944 гг.), я часто гостил у нее по субботам. Однажды мы с ней отправились куда-то за ее «пайком» и оказались в очереди, где она довольно громко и с очень важным видом высказалась в том смысле, что Черчилль – сволочь ублюдочная и враг рабочих. Дома мне запрещали употреблять такие слова, и, наверное, я их запомнил именно потому, что для меня это было что-то невероятное – услышать, как бабушка прилюдно произносит такое вслух. Немало людей возмутились и принялись защищать Черчилля, говоря, что он руководит борьбой с Гитлером, на что бабушка ответила, что Гитлер тоже сволочь ублюдочная и что, возможно, для того, чтобы избавиться от одной сволочи ублюдочной, нужна другая такая же, но после окончания войны нам следует избавиться от всех этих ублюдочных сволочей – всех до единой... Я поделился этой историей со своим коллегой, когда был в Оксфорде, а он в ответ рассказал мне, как примерно в это же время по субботам ходил на утренние сеансы в кино и там каждый раз показывали киножурнал с последними новостями. Когда на экране

появлялся некий человек, вся аудитория начинала шипеть и плевать. Какое-то время он думал, что это Гитлер, но потом выяснилось, что это был Черчилль.

Еще один эпизод: журналист *The New York Times* в 1970-е гг. испытал настоящее потрясение во время интервью с Ричардом Бёртоном после того, как тот с большим успехом сыграл роль Черчилля в телевизионной постановке, которая называлась «Прогулка с судьбой» (*Walk With Destiny*). Когда актера спросили о том, что лично он думает об этом великом человеке, он ответил: «Я ненавижу Черчилля и всех ему подобных... гадкий человек... злопамятный, таким лишь бы в оловянных солдатиков поиграться». Бёртон вырос в долинах Уэльса.

И совсем недавно, в 2021 г., вышли воспоминания историка Джеффри Уикса «Между мирами: квир из долин» (*Between Worlds: A Queer Boy from the Valleys*), в которых среди прочего рассказывается о том, что ненависть к Черчиллю вполне ощущалась в годы юности автора, проведенные в долине Рондда²⁶. Здесь не забыли, как во время беспорядков в Тонипенди Черчилль послал против бастующих шахтеров войска. «Будучи в 1950-х маленьким мальчишкой, я хорошо помню, как громко зрители в кинотеатрах начинали негодовать всякий раз, когда на экранах в выпуске новостей появлялся Черчилль, который тогда был на втором

²⁶ Рондда (Rhondda) – район в Южном Уэльсе, некогда центр угледобычи. – Прим. пер.

сроке в должности премьер-министра».

Откуда такой накал ненависти? Черчилль не единственный политик-реакционер в новейшей истории Великобритании. В качестве одной из причин часто называют его высокомерие; плюс, возможно, людей раздражала еще и его безудержная страсть к бахвальству. Он слишком громко радовался своим триумфам. Британцы терпимо относятся к решительным политикам, таким как Каннинг, Пиль, Дизраэли, Ллойд Джордж, Кейр Харди, Най Бивен, но они не любят, когда британцев возят лицом по британской же грязи. А Черчилль слишком часто – в Тонипенди в 1910 г., во время всеобщей стачки в 1926 г., в 1919 г. в Шотландии²⁷ – обращался со своими согражданами как с врагами. С какой стати это должно было нравиться всем без исключения?

Тем не менее история всегда непредсказуема. Она выбирает действующее лицо, облачает его в нарядный костюм и выталкивает на сцену, где человек играет назначенную ему роль с таким упоением, что эта роль становится частью реальности. Когда падает занавес, она разгоняет старых актеров и набирает новых – неумелых, но готовых учиться – и вновь бросает их в бой. Черчилль был одним из таких актеров, сформированных своей эпохой.

При жизни он не был культовой фигурой. Скорее наобо-

²⁷ Скорее всего, автор имеет в виду стачку рабочих Глазго в январе – феврале 1919 г., для подавления которой были использованы регулярные войска и танки. – *Прим. науч. ред.*

рот. Он был приемлем в качестве лидера военного времени, но сомнения вокруг его фигуры никогда полностью не рассеивались. К тому времени, как он стал премьер-министром и главой национального правительства с Эттли в качестве своего заместителя, люди понимали, что доверить ведение войны, от которой никуда было не деться, больше некому. Поэтому они поддерживали его – чтобы при первой же возможности мгновенно и без особого сожаления избавиться от него, что, собственно, и произошло в июле 1945 г.

Но даже во время войны поддержка Черчилля массами зависела от обстоятельств. Необходимо помнить, что, несмотря на всю драматургию фильма «Темные времена» (Darkest Hour), встреченного аплодисментами зрителей и критиков, Черчилль произнес свое знаменитое «Мы никогда не сдадимся» в то время, когда нация была травмирована поражением под Дюнкерком. Уже тогда было очевидно, что стадное чувство, проявившееся в начале Первой мировой войны, на этот раз не сработает. Солдаты, которым удалось эвакуироваться из Дюнкерка, знали, насколько плохо они подготовлены и вооружены и что правящий класс абсолютно не понимает причин, по которым все произошло. Даже полупоражения вызывают вопросы в умах тех, кого учили беспрекословно подчиняться старшим по званию.

Дюнкерк нанес серьезный удар по самоуверенности правящих кругов. Управлявшая страной группировка тори была вовсе не уверена в том, что Британия выживет. Пропа-

гандистскую войну они выиграли, но широко разрекламированный «дух Дюнкерка» был не более чем маской победителя, за которой скрывалось растерянное и напуганное лицо. 1 июля 1940 г. *The Times* напечатала примечательную редакционную статью, которая более или менее актуальна и сегодня, но которую невозможно представить вышедшей из-под пера кого-либо из сотрудников медиаимперии Мёрдока, да и вообще любого либерального СМИ на Западе:

Когда мы говорим о демократии, мы не имеем в виду такую демократию, в которой сохраняется право участвовать в выборах, но забывается право на труд и право на жизнь. Когда мы говорим о свободе, мы не имеем в виду грубый индивидуализм, отвергающий организацию общества и экономическое планирование. Когда мы говорим о равенстве, мы не имеем в виду такое политическое равенство, которое полностью нивелируется социальными и экономическими привилегиями. Когда мы говорим о восстановлении экономики, мы говорим не столько о максимальном уровне производства (хотя потребуется и это), сколько о справедливом распределении... Европейский дом нельзя привести в порядок, если мы вначале не приведем в порядок наш собственный дом. Новый порядок не может основываться на сохранении привилегий, будь то привилегии отдельных стран, классов или индивидуумов.

Ангус Колдер в своих новаторских работах «Народная

война» (The People's War, 1969) и «Миф о большом Блице» (The Myth of the Blitz, 1991) отмечает тот тектонический сдвиг, который произошел спустя какое-то время после Дюнкерка. В первой книге Колдер объясняет, что британские лейбористы и другие прогрессивные силы страны достаточно быстро поняли: новая война не является повторением предыдущей катастрофы, фашизм необходимо победить, и для этого необходимо заключить временный союз с кем угодно, даже с Черчиллем. Дух непреклонности перед лицом врага сплотил нацию.

Однако к тому времени, когда Колдер начал работу над второй книгой о Блице, его мнение явно изменилось. В этой книге он развеивает мифы о британской отваге под немецкими бомбами и показывает более неприглядную сторону событий. По всей стране вырос уровень преступности. Распространился антисемитизм. Пропагандистская машина пыталась маскировать общий упадок духа бодрыми агитками и прославлением погибших молодых летчиков. Какая там сплоченность – сплошные расколы и паранойя.

Колдер беспощадно критикует тактику воздушных налетов, проводимых Великобританией и Германией по принципу «око за око» с единственной целью деморализовать гражданское население противника – когда бомбардировкам подвергались частные дома и другие невоенные цели. Он подробно описывает, как командующий британской бомбардировочной авиацией «Бомбардировщик Харрис» с полно-

го одобрения Черчилля принял решение об экспериментальном налете на старинный немецкий город Любек. Сброшенные на него бомбы вызвали огненный смерч, который уничтожил половину города и привел к гибели тысяч мирных жителей.

Люфтваффе ответило взаимностью, начав налеты по «Бедекеру»²⁸ на старые английские города, имевшие историческое и культурное значение: Бат, Норидж, Йорк, Кентербери. Городам был нанесен крупный ущерб. Погибли люди. Но гражданское население обеих воюющих стран держалось стойко. Серьезной деморализации не произошло даже после того, как Харрис устроил «налет тысячи бомбардировщиков» на Кёльн, хвастаясь тем, что свыше шести с половиной тысяч британских пилотов в составе 868 экипажей достигли цели, сбросив в общей сложности около полутора тысяч тонн бомб, из которых 60 процентов были зажигательными. Весь город был охвачен пожарами.

Воодушевленный масштабом разрушений, Черчилль превзошел сам себя в расточаемых похвалах. Однако ничто из этого не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на моральное состояние немцев. Через две недели Кёльн вернулся к нормальной жизни.

Тем не менее к 1942 г. среди правящих элит было много

²⁸ «Бедекер» (Baedeker) – название серии популярных немецких путеводителей для туристов, содержавших подробные географические карты, которыми, как считалось, пользовалось командование люфтваффе при выборе целей для воздушных налетов на Великобританию. – *Прим. пер.*

недовольных руководством Черчилля. Сингапур был захвачен Японией. Ганди и Неру запустили движение «Вон из Индии!», которое неизбежно должно было сказаться на боевом духе десятков тысяч индийцев, служивших пушечным мясом для британской армии²⁹. Крайний националист Субхас Чандра Бос решил создать Индийскую национальную армию, которая комплектовалась из захваченных японцами военнопленных индийского происхождения. Ее задачей было сражаться с британцами в Индии³⁰.

Что касается положения внутри страны, то неспособность достичь заявленного уровня производства начала сказываться на снабжении Великобритании и ее солдат на фронте. Проведенный Институтом Гэллапа опрос показал, что только треть населения удовлетворена работой военного кабинета, то есть Черчилля. Гарольд Николсон³¹ в своем днев-

²⁹ 14 июля 1942 г. Индийский национальный конгресс принял по предложению Махатмы Ганди резолюцию, требовавшую немедленного ухода британцев из Индии и предоставления ей независимости. Началась подготовка к общенациональной кампании гражданского неповиновения. После первых массовых акций 8 августа британские власти арестовали всех лидеров Конгресса, для подавления движения были использованы части регулярной армии. В общей сложности были арестованы 91 800 человек, сотни протестующих были убиты и ранены. – *Прим. науч. ред.*

³⁰ Подробнее о положении в Индии в годы Второй мировой войны см. главу 10 настоящей книги. – *Прим. науч. ред.*

³¹ Гарольд Джордж Николсон (1886–1968) – британский дипломат, политик, публицист и журналист; в начале 1930-х гг. сблизился с Освальдом Мосли, основателем Британского союза фашистов (БСФ), но перестал поддерживать его после основания БСФ. В 1935 г. избрался в палату общин от Национальной лей-

нике записал, что некоторые политики-центристы говорили ему: «Черчилля необходимо убрать», несмотря на его возражения, что такой шаг ввергнет страну в шок. Сесил Битон, также водивший дружбу с консервативными политиками, сообщал, что в их среде свободно обсуждаются недостатки и слабости Черчилля. На вопрос о том, кто мог бы его заменить, все отвечали: «Сэр Стаффорд Криппс³²». Не Эттли, не Бевин, а Криппс, которого сегодня редко вспоминают как величайшего руководителя, какого у нас никогда не было.

В военных кругах также было заметно недовольство. В период с 1943 по 1944 г. в Каире собирался забытый ныне «Армейский парламент». Созданный солдатами и младшими офицерами для обсуждения будущего Великобритании после войны, этот парламент вдохновлялся Патнейской конференцией, на которой левеллеры спорили с Оливером Кромвелем³³. В Каире обсуждались национализация, земельная

бористской организации, которую основали правые лейбористы после раскола Лейбористской партии в 1931 г. Был близок к У. Черчиллю и вместе с ним выступил против Мюнхенского соглашения 1938 г. – *Прим. науч. ред.*

³² Стаффорд Криппс (1889–1952) – британский политик-лейборист; выступал за создание единого антифашистского фронта лейбористов, социалистов, коммунистов и консерваторов. В 1940–1942 гг. – посол Великобритании в СССР, в марте 1942 г. возглавил миссию британского правительства в Индию, целью которой было достижение соглашения с индийскими национальными движениями (ИНК, Мусульманская лига и др.). – *Прим. науч. ред.*

³³ Патнейская конференция проходила с 28 октября по 8 ноября 1647 г. по вопросу будущего конституционного устройства Англии после победы над рояли-

и банковская реформы, правила наследования и трудовые отношения. На импровизированных выборах сокрушительную победу одержали лейбористы. Тори пришли к финишу последними. Конечно же, все эти экзерсисы быстро прикрыли.

В преддверии всеобщих выборов 1945 г. многие считали победу тори неизбежной, учитывая авторитет Черчилля, заслуженный во время войны. Но автор передовицы в *The Times* оказался пророком. Античерчиллевские настроения, особенно в среде рабочего класса, оставались сильными на протяжении всей войны, вопреки пропаганде. Лейбористы мчались к победе, выдвинув социал-демократическую программу, которая, пусть в гораздо более мягкой версии, словно мантру повторяла редакционную статью в *The Times*.

После смерти Черчилля в 1965 г. не было недостатка в хвалебных некрологах и славословиях со всех сторон. Ричард Кроссман, интеллектual из Лейбористской партии и высокопоставленный министр в кабинете Гарольда Вильсона, публично выражал недовольство тем, что его заставили присутствовать на похоронах, а позднее писал, что «это ощущалось как конец эпохи, возможно, даже конец нации».

стами. В ней принимали участие представители революционной армии «нового образца». Левеллеры, как называли радикальных республиканцев, выступали за реализацию принципов свободы слова, равенства всех перед законом, равно-го избирательного права для всех взрослых свободных мужчин и т. д. — *Прим. науч. ред.*

Как же он ошибался! Впрочем, так ошибались многие.

В то время на самом деле казалось, что послевоенное урегулирование, постепенная деколонизация заморских владений и создание государства всеобщего благосостояния с его уютной семейной атмосферой окончательно покончили с несправедливостями прошлого и заложили фундамент современного постчерчиллевского общества. Лидер консерваторов Эдвард Хит был страстным поборником европейской идеи; премьер-министр Вильсон – чуть менее убежденным ее сторонником. Европа, которая географически представляет собой всего лишь мыс, прилепившийся к гигантскому азиатскому континенту, станет для послевоенных политиков воплощением надежды и хранительницей западной цивилизации. Ее преступления на своей территории и за ее пределами, ее войны – империалистические, гражданские и религиозные – были практически полностью забыты, за исключением геноцида евреев.

В большинстве некрологов превозносились роль Черчилля как премьер-министра во время войны. По другим вопросам у людей были гораздо более противоречивые мнения. Служившая для поднятия морального духа пропаганда, которую Черчилль создал и в которой сам участвовал, взывала к коллективной стойкости. В этом отношении он был непревзойденным мастером тактической риторики. Что авторы панегириков упускали из виду, так это то, что корни этой стойкости уходили намного глубже и были гораздо дол-

говечнее, чем героические призывы в конкретный исторический момент.

Многие из тех, кто страдал от массовой безработицы в 1920-е и 1930-е гг., до сих пор живы. Нередко можно услышать замечания типа «Моя семья (или мой отец) ненавидела Черчилля». Многие из солдат, восторженно приветствовавших его во время войны, голосовали против него, когда до победы оставалось рукой подать. В те дни люди дольше помнили о прошлом.

Даже когда Черчилль не был вовлечен в события напрямую, он воплощал собой более склонное к авантюризму крыло британского правящего класса: его насилие, его высокомерие, его самодовольство и лелеемые им идеи о превосходстве белой расы. Военно-аристократическое происхождение Черчилля сослужило ему большую службу, но у многих оно не вызывало безоговорочного приятия. Как подчеркивали Рой Дженкинс и другие, предки Черчилля, носившие герцогский титул Мальборо, после смерти основателя династии не произвели на свет ни одного значимого отпрыска, за исключением самого Уинстона и его отца Рэндольфа. Тенденция, которая, добавим, продолжается по сей день. Соумс — не более чем вудхаусовский персонаж, да и то не первого плана.

В отличие от многих своих коллег, Черчилль не стал довольствоваться ролью обитателя задворков или пассивного парламентария. Прежде всего он был активным империали-

стом. Он жаждал сражений, убийств, а если потребуется, то и собственной гибели во имя того, что было для него выше всего, – Британской империи. Смерть всем ее врагам внутри страны и за ее пределами. А там, где белым приходилось убивать белых (буров, ирландцев, немцев, русских после 1917 г.), можно было без труда использовать другие идеологии, вполне совместимые с идеями превосходства белой расы.

Бум черчиллианы начался сорок лет назад. С тех пор история Черчилля незаметно превратилась в историю Великобритании (или по крайней мере Англии) в целом. Мало кто помнит, что в 1965 г. все было не так. Тогда сатирики, кинематографисты и другие выступали убежденными противниками империалистических войн. Насмешливый спектакль Джоан Литлвуд «Ах, какая прелестная война!» (Oh! What a Lovely War), вал критики, обрушившийся на Первую мировую войну, аншлаги в театре «Ройал Стратфорд Ист». Фильм Ричардсона «Атака легкой кавалерии» (The Charge of the Light Brigade) разоблачил культ имперской Большой игры. Тогда вряд ли можно было предвидеть восшествие Маргарет Тэтчер, Фолклендскую войну, инструментализацию образа Черчилля, усилиями Тэтчер, Блэра и Джонсона возведенного ныне в ранг общенациональной иконы. И легенда эта сформировалась по обе стороны Атлантического океана.

Приторным запахом благовоний пропитаны бумажные святилища, в которых чтут память о Черчилле и его войнах –

больших и малых. Эффективность этого культа – что бумажного, что целлулоидного – невозможно отрицать. Но чего несомненно добились молодые противники колониализма и их союзники, так это того, что новый разговор о Черчилле наконец-то начат.

1

Мир империй

*Потомки вспомнят старый принцип,
Что был заветом стариков:
Свобода нам и нашим детям,
Ценою жизни всех врагов.*

КИПЛИНГ. ПЕСНЬ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ (1899)

«Я был сыном Викторианской эры, – писал Черчилль в книге-автобиографии "Мои ранние годы" (My Early Life), – когда внутреннее устройство нашей страны казалось незыблемым, когда ее торговая и морская мощь не имела себе равных и когда сознание величия нашей империи и нашего долга по ее сохранению лишь укреплялось». В 1874 г., когда Черчилль появился на свет, Британская империя занимала господствующее положение, превосходя соперников глобальным размахом своих владений. Да, она утратила свои американские колонии, но сохранила за собой точку опоры в Канаде. Потери на американском континенте были с лихвой компенсированы завоеванием Индии. Африка была разделена по соглашению между европейскими державами.

Большинство европейцев всех социальных классов были очень похожи в своем отношении к колониям. Кто бы что

ни говорил, ничто не могло сравниться с экспансией иберийских стран и их трехвековым господством над огромным континентом, расположенным по другую сторону полного опасностей океана. Это было достижение, равных которому история не знала. При этом большинство биографов Черчилля до сих пор продолжают придерживаться мнения, будто на фоне Испанской и других колониальных империй, отличавшихся жестокостью и даже варварством, господство Британии было более мягким и поэтому больше пришлось по душе тем, кого она колонизировала.

В результате Британская империя превратилась в товар номер один на ярмарке исторического наследия. Министры правительства Тэтчер в 1980-е гг., как и их наследники в кабинете Блэра, не только подвергли пересмотру казавшиеся незыблемыми принципы государства всеобщего благосостояния и задушили протестную активность профсоюзов. Они также намеревались повернуть вспять антиколониальные течения в обществе, пытавшиеся демифологизировать имперское прошлое Великобритании или остро критиковавшие его. Сам этот разворот вызвал ответную реакцию со стороны многих людей. В Великобритании приукрашенная версия колониализма совсем недавно была практически полностью опровергнута английским историком Ричардом Готтом, показавшим в своей замечательной книге масштаб сопротивления, с которым сталкивалась Британская империя. Он четко и ясно резюмировал суть проблемы:

Нередко говорится, что Британская империя была чем-то вроде образцового примера – в отличие от французов, голландцев, немцев, испанцев, португальцев и, конечно же, американцев. Существует довольно распространенное мнение, будто бы Британская империя создавалась и поддерживалась минимальным количеством насилия и при максимальной поддержке благодарного туземного населения. Этот благостный, мармеладный взгляд на прошлое далек от того понимания истории, с которым сегодня могли бы согласиться молодые люди в тех краях, что некогда входили в состав империи^[8].

Именно в этой оптике нам следует рассматривать личность молодого империалиста Уинстона Черчилля. Он принадлежал к особой разновидности людей, порожденных Викторианской эпохой, и начальные годы его становления прошли в колониальном антураже, а именно в Дублине, где его дед занимал пост вице-короля Ирландии. Родители не уделяли мальчику достаточного внимания, и он находил утешение, играя в солдатики и слушая без конца повторяемые семейные легенды, рассказывавшие о его выдающемся предке-военачальнике – первом герцоге Мальборо. Истории о доблестях герцога по части военной тактики, которые тот демонстрировал на полях сражений во многих странах, – не говоря о его политической изворотливости, начи-

ная с участия в Славной революции³⁴, — лишь укрепляли страстное желание молодого Черчилля стать военным.

Родительской заботы не прибавилось и после того, как Уинстона отправили в школу-интернат в Хэрроу. Там он нашел утешение в школьном кадетском корпусе и начал готовиться к поступлению в военную академию в Сандхерсте, за место в которой претенденту предстояло выдержать жесткую конкуренцию. Его отец, лорд Рэндольф Черчилль, в то время член парламента от консерваторов, был не в восторге от этой затеи. Он предпочел бы видеть сына в какой-нибудь финансовой фирме в Сити (они дружили с Ротшильдом), чтобы тот смог зарабатывать деньги. Уинстон, одновременно боявшийся упрямого, бескомпромиссного и вспыльчивого отца и преклонявшийся перед ним, тем не менее настоял на своем и после двух неудачных попыток был принят в Сандхерст.

Его успеваемость была недостаточной для того, чтобы его зачислили в пехоту (где в те времена высоко ценили интеллект), и Черчилля, подобно многим представителям высшего общества, определили в более эффектную внешне, но при

³⁴ Славная революция 1688 г. — одно из ключевых событий истории Англии Нового времени. После свержения Якова II Стюарта и восшествия на трон Вильгельма III Оранского был принят Билль о правах (1689), который не только ограничил власть короля, но и определил дальнейшее развитие парламентской монархии. В либеральной исторической традиции Славная революция превозносилась как бескровный триумф здравого смысла, приведший к распространению умеренных народных свобод и ограничению монархии. — *Прим. науч. ред.*

этом менее требовательную кавалерию. В том же 1893 г., чтобы отпраздновать свой новый статус кадета, он отправился на лыжный отдых в Швейцарию. Впечатление от каникул было резко испорчено после того, как он получил строгое послание от отца – человека, чье психическое здоровье было подорвано сифилисом и который до того момента совершенно не интересовался делами сына:

Ни разу я не получал по-настоящему хорошего доклада о твоей учебе ни от одного из тех преподавателей и воспитателей, с которыми тебе периодически приходилось иметь дело. Вечные задолженности, никаких успехов в классе, постоянные жалобы на полное отсутствие прилежания... При всех тех усилиях, которые прилагались ради того, чтобы сделать твою жизнь легкой и приятной, а твою учебу – нетягостной и необременительной, вот результат, которого ты добился, оказавшись среди второразрядных и третьеразрядных кадетов, годных только на то, чтобы их зачислили в кавалерийский полк... Больше я не буду писать об этом, и тебе не стоит утруждать себя ответом на эту часть моего письма, потому что отныне я не придам ни малейшего значения тому, что ты скажешь о своих достижениях и успехах. Заруби себе на носу, что если твое поведение и поступки в Сандхерсте будут похожи на то, что было в других заведениях, где тебе тщетно пытались дать хоть какое-то образование, то на этом моя ответственность за тебя закончится.

Нетрудно себе представить, каким психологическим ударом должно было стать такое письмо для девятнадцатилетнего юноши (хотя следует помнить, что в высшем обществе подобный стиль при обращении отца к сыну не был чем-то исключительным ни в то время, ни позже). На психологическом уровне начиная с этого момента доказать неправоту отца стало для Уинстона одной из целей всей жизни.

Его мать-американка, наследница крупного состояния Дженни Джером в своей родительской заботе была лишь чуть-чуть лучше. Она любила Уинстона заочно. Когда тот вырос, она не стеснялась спать с самыми влиятельными фигурами в стране, если это могло как-то помочь карьере сына, а заодно пополнить ее собственный кошелек, который опустел после того, как экономический кризис в США унес с собой богатство ее семьи. Она немало походила по рукам в Бел-гравии и Вестминстере (и даже, по слухам, смогла забраться в постель к королю) – процесс этот начался в то время, пока ее муж умирал от сифилиса, и продолжился без какой-либо паузы после его смерти.

Какое-то время существовала возможность, что Черчилль унаследует герцогский титул, так как Санни, двоюродный брат Уинстона и наследник по прямой линии, оставался холостым. «Никак нельзя, – убеждена была герцогиня, – допустить, чтобы этот маленький выскочка Уинстон однажды стал герцогом». Поэтому она призвала на помощь толстосумов из США. В конце концов американку Консуэло Вандер-

билът удалось убедить выйти замуж за никчемного Санни. К богатой наследнице прилагалось единовременное приданое в сумме двух с половиной миллионов долларов и ежегодные выплаты в размере 30 тысяч долларов – недурной вклад в семейный бюджет. Спустя положенное время у пары родился ребенок. Теперь у Черчилля не оставалось ни единого шанса переехать в Бленхейм. Уинстон должен был сам позаботиться о себе.

Мог ли молодой кадет из Сандхерста надеяться когда-либо дослужиться до статуса крупного военачальника империи? Без сомнения, он очень хотел бы этого, но судьба распорядилась иначе. Пережить пару приключений, наблюдая за разными войнами, а то и участвуя в них, – вот все, что ему было предначертано судьбой. При этом у него никогда не возникало никаких сомнений в эффективности имперского правления. Гордясь своим славным предком, основателем династии Мальборо – Черчиллей, он был решительно настроен внести свой вклад в защиту империи – как в теории, так и на практике. Война была волшебным эликсиром, панацеей от скуки и тоски. Она была увлекательнее охоты, потому что здесь в качестве дичи обычно служили некие «дикари»... на каком бы наречии они ни говорили, насколько бы «примитивны» ни были, они были людьми и соперниками. Какое иное приключение могло бы сравниться с этим? Война, по собственным словам Черчилля, была самым «востребованным товаром».

Однако в возрасте двадцати одного года, будучи зачислен в 4-й гусарский полк, Уинстон пережил разочарование. Это был 1895 год, и на горизонте не просматривалось ни одной колониальной войны в интересах Британской империи. На родине он скучал, и «все [его] деньги были потрачены на поло-пони³⁵». Как можно было найти здесь «быстрый способ заслужить отличие» и «сияющий путь» к славе? Наведя некоторые справки, он обратил взор на другую сторону Атлантики. Как он позднее вспоминал,

охота была мне не по карману, [и] я занялся поисками такого места на карте мира, где можно было бы утолить жажду приключений и азарта. Всеобщий мир, от которого вот уже многие годы изнывало человечество, был нарушен лишь в одной точке земного шара. Затянувшаяся партизанская война, которую кубинские повстанцы вели против испанцев, по слухам, входила в свою самую острую фазу^[9].

Испанская империя переживала стадию распада. В течение уже нескольких лет она прилагала усилия для подавления одновременно двух освободительных движений – на Кубе и на Филиппинах. Политическое и интеллектуальное руководство этими движениями находилось в руках Хосе Марти на Кубе и Хосе Рисаля на Филиппинах: первый был по-

³⁵ Поло-пони (*англ.* polo ponies) – специальные лошади для игры в поло. – *Прим. науч. ред.*

этом и публицистом, второй – писателем высочайшего класса. Жизни обоих трагически оборвались: Марти погиб в перестрелке, а Рисаль был расстрелян по приговору испанского военного трибунала.

Куба и Пуэрто-Рико оставались последними владениями Испании в Америке и были одними из самых слабо развитых колоний. Открытие месторождений золота и серебра на материке и относительный дефицит человеческих и минеральных ресурсов, доступных для эксплуатации на Кубе, обрекли этот остров на роль незначительного, главным образом военного и административного, центра в системе Испанской империи. С 1720 по 1762 г. кубинская экономика была настолько маломощной, что для торговли с Европой хватало в среднем пяти или шести торговых судов ежегодно. Плантационная система, опиравшаяся на большое количество захваченных в Африке рабов, возникла довольно поздно и смогла по-настоящему развернуться лишь после Гаитянской революции³⁶. Движение за независимость также появилось с поддержкой. К 1825 г. вся континентальная часть Латинской

³⁶ Восстание рабов во французской колонии Сан-Доминго началось 21 августа 1791 г. и завершилось провозглашением независимости Гаити 1 января 1804 г. Лидеры Гаитянской революции испытали влияние идей Просвещения и Французской революции 1789 г. В частности, мулаты и свободные африканцы добивались уравнивания в правах с белыми плантаторами, ссылаясь на Декларацию прав человека и гражданина, принятую Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г. Победе восставших способствовала Великобритания, которая установила в 1803 г. морскую блокаду острова и не допустила прибытия подкреплений из Франции. – *Прим. науч. ред.*

Америки была свободной от испанского владычества, но на Кубе оно продлилось вплоть до 1898 г. В 1895 г., когда Черчилль прикидывал, к какому варианту собственного будущего ему склониться, Испания предприняла последнее отчаянное наступление на позиции кубинских патриотов.

Черчилль никогда не медлил при виде открывшейся возможности, и здесь она была просто идеальной. Он добился в полку, чтобы ему дали отпуск, намереваясь попробовать себя в роли военного репортера и своими глазами увидеть колониальную войну. Получив после смерти отца в начале года скудное наследство, он нашел в журналистике средство одновременно проявить себя и заработать какие-то деньги. Поиски газеты, которая согласилась бы направить его на испано-кубинскую войну в качестве корреспондента, вскоре увенчались успехом. В компании еще одного офицера Черчилль через США отправился в Карибский бассейн.

Черчиллю было необязательно много знать о выбранном театре военных действий. Инстинктивно он встал на сторону испанцев по очень простой причине: это была имперская держава, которая пыталась утопить в крови восстание туземцев.

Он прибыл в Гавану в ноябре 1895 г. На острове свирепствовали тиф, оспа и холера. Распространялся массовый голод, и любой журналист, поезди он хоть чуточку по Кубе, не мог не заметить огромных страданий ее населения. Тем не менее Черчилль старался преуменьшить масштаб ужа-

сов, которые были прямым следствием колониальной войны. В одном из своих первых писем домой – перепутав почти все, подобно тем журналистам, которые, сидя в пятизвездочных отелях, сочиняют репортажи с колониальных войн более недавних времен, – он писал:

[Гавана] не демонстрирует никаких признаков мятежа, и дела повсюду идут обычным порядком. Правда, строго проверяют паспорта и тщательно обыскивают багаж на предмет наличия пистолетов или другого оружия. Когда мы переправлялись из Тампы на лодке, было много пугающих сообщений о ситуации в Гаване. Говорили, что повсюду свирепствует желтая лихорадка, а в гарнизоне зафиксировано более 400 случаев заражения. На самом деле болезнь не так уж и распространена, а подтвержденные случаи ограничены нижней частью города^[10].

Даже когда Черчилль уже не мог игнорировать разворачивавшиеся события и понял, что Кубинская революционная партия пользуется всенародной поддержкой, он был не в состоянии верно оценить перспективы ее бойцов, не говоря о том, чтобы отдать им должное. Испанцев же он понимал прекрасно. Для них Куба была тем же, чем Ирландия для англичан.

В репортажах Черчилля, как и в его книге «Мои ранние годы», Хосе Марти не удостоился ни единого упоминания. В апреле 1895 г. Марти письменно обратился к британско-

му министру иностранных дел, умоляя, чтобы Великобритания не вмешивалась в конфликт. Через три недели он погиб: испанцы застрелили его в бессмысленной стычке. Трагедия с участием самого выдающегося лидера кубинских патриотов к моменту приезда Черчилля была у всех на слуху, но у него на уме было только одно – насколько счастливее была бы Куба, если бы в 1763 г., после одиннадцатимесячной оккупации Гаваны, британцы не обменяли ее на Флориду:

Может статься, что после того, как эти страницы истории будут перевернуты, Кубу ждут более яркие перспективы и более счастливые времена. Может статься, что в грядущие годы остров будет таким, каким он был бы сейчас, если бы Англия не потеряла его: Куба свободная и процветающая, живущая под сенью справедливых законов, управляемая патриотами, распахнувшая свои порты для торговли со всем миром, посылающая своих пони в «Херлингем»³⁷, а своих игроков в крикет – в клуб «Лордс», обменивающая гаванские сигары на ланкаширские хлопчатобумажные ткани, а сахар с плантаций в Матансасе – на столовые приборы из Шеффилда.

Черчилль прекрасно понимал, каковы были неизбежные следствия империализма. Разве мог он не знать о том, что именно за короткий период британской оккупации в 1762 г. на Кубу было дополнительно ввезено более десяти тысяч ра-

³⁷ «Херлингем» (англ. Hurlingham) – частный спортивный клуб в Лондоне. – Прим. пер.

бов, чтобы обеспечить процветание плантационной экономики?^[11]

В декабре 1954 г., в самом начале последнего десятилетия своей жизни, Черчилль внимательно выслушал одного заезжего белого поселенца из Кении, который живописал ему свои горести и объяснял, что жестокость, допущенная в ходе подавления восстания Мау-Мау, была совершенно необходима. Черчилля главным образом беспокоило то, как это может сказаться на положении Великобритании в мире. Он вспоминал свою собственную поездку в эту африканскую колонию в 1907 г., когда кикуйю³⁸ были «такими счастливыми, голыми и очаровательными людьми». Но сейчас, писал он, в общественном мнении все будет выглядеть так, как будто «мощь современной нации используется для убийства дикарей. Это весьма ужасно. Но дикарей ли? Да нет, не дикарей. Это дикари, вооруженные идеями, и поэтому иметь с ними дело гораздо сложнее»^[12].

На Кубе тоже имелось множество «дикарей». В 1895 и 1896 гг., когда повстанцы расширили свою базу поддержки, их генералы Антонио Масео и Мáксимо Гомес контролировали почти всю территорию острова и держали Гавану в осаде. Афрокубинец Масео был без преувеличения самым выдающимся руководителем партизанской войны в XIX в.

³⁸ Кикуйю – этническая группа, проживающая в центральной части Кении. В 1952–1960 гг. – одни из основных участников восстания Мау-Мау, о котором автор рассказывает подробнее в 15-й главе книги. – *Прим. пер.*

Испания и ее сторонники пребывали в панике. Черчилль описывал повстанцев как «недисциплинированный сброд», состоящий «по большей части из цветных». Если революция увенчается успехом, беспокоился он, «Куба станет черной республикой». Он не увидел здесь никакой связи с тем, что Великобритания сама завозила рабов, увеличив их численность на острове сверх того количества, которое уже было накоплено Испанией за предшествующие два века^[13].

Сознательная амнезия всегда была отличительной чертой империалистических лидеров и их идеологий. Страх перед появлением в регионе еще одного Гаити постоянно присутствовал и в США. Гровер Флинт, американский журналист, сопровождавший армию Гомеса, писал в своих репортажах, что «половина набранных в нее солдат – негры», а кроме них имеются и другие зловещие типы: «китайцы (те, кто выжил при перевозке рабочих-кули из Макао)... коварные востроглазые монголы, совсем не похожие на мирных работников прачечной³⁹»^[14].

В 1886 г. испанцы пошли на отмену рабства на Кубе, но, опасаясь самой идеи преимущественно черной республики, они поощряли массовую миграцию с полуострова на остров. С 1882 по 1894 г. на Кубу, население которой в то время составляло менее двух миллионов человек, приехала чет-

³⁹ В конце XIX в. в западных штатах США в качестве домашней прислуги и работников часто нанимали выходцев из Восточной Азии, которые осваивали профессии, традиционно считавшиеся женскими: прачек, швей и т. д. – *Прим. науч. ред.*

верть миллиона испанцев. Одним из них был каталонский анархист Энрике Ройг, который в скором времени связался с Марти. Приток белых иммигрантов не оправдал надежд Испании. Две трети новоприбывших не умели писать и читать. В массе своей это были крестьяне и рабочие, среди которых каталонцы составляли большинство. Многие стали автоматически ориентироваться на Марти и Масео. Вот как писал Бенедикт Андерсон:

В сочетании с плавной, постепенной отменой рабства эта демографическая трансформация дала возможность Марти окрасить свой революционный проект в националистические цвета и преодолеть тем самым – по крайней мере внешне – расовую проблематику. Кубинские мужчины – белые и черные – должны были, так сказать, заключить друг друга в объятия (метафорически или на поле боя) как равные в борьбе против имперского гнета. Постепенное исчезновение «Гаити» и крах сахарной «аристократии» постепенно сокращали количество фанатических сторонников Мадрида. Таким образом, начиная с 1888 г. национализм широкого толка в стиле Рисаля быстро распространился почти во всех слоях общества^[15].

В 1896 г., оказавшись на грани катастрофического поражения, испанцы прислали на остров нового генерал-капитана, который должен был исправить положение. На эту роль за свою беспощадность был выбран генерал Валериано

Вейлер, известный мадридской публике тем, что людям он предпочитал животных. Сам он был смесью того и другого. В Мадриде он финансировал приют для лошадей, где с ними хорошо обращались и вдоволь кормили овсом. На Кубе им была создана сеть концентрационных лагерей, в которых повстанцев изолировали от населения. Последствия были катастрофическими: это не только разлучало семьи и заставляло женщин и девочек заниматься проституцией, но и привело к тому, что в некоторых кубинских городах умерло до пятидесяти процентов узников этих лагерей. Всего от болезней и голода погибло как минимум 170 тысяч подвергшихся интернированию гражданских лиц – на тот момент около десяти процентов всего населения Кубы.

В годы Гражданской войны в США Вейлер служил военным атташе посольства Испании в Вашингтоне и был большим поклонником генерала Шермана и его тактики выжженной земли, которую тот продемонстрировал в походе на Атланту. Теперь Вейлер задумал применить подобную тактику на Кубе и уже приступил к ее реализации. Она не принесла ожидаемого успеха, и в результате сложилась своего рода патовая ситуация. Главные политические и военные лидеры с обеих сторон – Масео на Кубе и призывавший к войне до победного конца премьер-министр Антонио Кáновас в Испании – были мертвы.

Последний в июне 1897 г. был убит барселонским анархистом-итальянцем Микеле Анджиолилло в отмщение за казнь

анархистов в Барселоне. Изначально он планировал устроить покушение на кого-нибудь из представителей испанской королевской семьи, но от этого его отговорил один темнокожий сторонник кубинской борьбы за независимость из Пуэрто-Рико. Он убедил Анджиолилло в том, что Кановас будет лучшей мишенью. Ликвидация премьер-министра по-настоящему поможет кубинцам, доказывал он, и в качестве дополнительного аргумента передал убийце 500 франков. Выпущенные Анджиолилло «три пули, – писал Ричард Готт, – сделали для кубинского движения за независимость столько же, сколько три года вооруженной борьбы»^[16]. Смена режима в Мадриде привела к власти правительство реформистов, которое пообещало предоставить Кубе самоуправление. К тому времени Соединенные Штаты объявили Испанской империи войну и вторглись на Филиппины. Вооруженная интервенция США на Кубу в 1898 г. закончила испано-кубинскую войну.

По иронии судьбы превращение Кубы в основного производителя сахара и кофе (как и запоздалое обретение ею независимости) явилось следствием революции 1790 г. на Гаити⁴⁰, после которой этот некогда крупнейший производитель названных товаров исчез с мирового рынка. Черная республика Гаити превратилась в призрак, который отны-

⁴⁰ Первые выступления против дискриминации по цвету кожи произошли на Гаити еще в 1790 г., однако не привели к массовым восстаниям. Традиционно началом Гаитянской революции считается 21 августа 1791 г. – *Прим. науч. ред.*

не постоянно возникал в воображении империалистических кругов США и грубо использовался американским руководством в пропаганде. Одним из первых шагов, предпринятых Соединенными Штатами после интервенции на Кубу, было разоружение и роспуск Кубинской революционной армии. Вооруженных темнокожих повстанцев в непосредственной близости от материковой территории США следовало обезвредить до того, как их пример стал бы заразительным. Только после того, как американцы установили в стране нужный им режим, они вывели свои войска с острова, за исключением залива Гуантанамо, где США сохранили фактический контроль в форме военно-морской базы, – проклятие, которое тяготеет над островом и поныне.

Пребывание Черчилля на Кубе – где в поисках приключений он, помимо журналистской работы, иногда выполнял мелкие военные поручения испанцев – продлилось всего несколько месяцев. Он не застал процесса разоружения революционной армии, но нет ни малейшего сомнения в том, что он всецело поддержал бы такой исход войны. Вновь проявилась его одержимость расовым вопросом. По возвращении домой он писал: «Кубинские повстанцы пытаются выдавать себя за героев, но на деле они – брехуны и фанфароны». Вопреки рассказам большинства других наблюдателей, он подчеркивал, что восставшие «не умеют ни храбро сражаться, ни эффективно пользоваться своим оружием»^[17].

После возвращения с Кубы в 1896 г. молодой искатель

приключений загорелся желанием немедленно отправиться на Африканский континент, к тому времени целиком колонизированный европейцами. Назревали войны, и казалось, что карьерных успехов можно достичь без особых усилий. Но вместо этого вышестоящее начальство решило, что в составе своего полка ему надлежит отправиться в командировку в Индию. Черчилль пытался оспорить это решение, задействовав для этого своих знатных друзей и родственников, но безуспешно. В отчаянии он решил перевестись в 9-й уланский полк, который должен был отправиться в Матабелеленд в Южной Африке. «Мы обсудим это в пятницу, – писал он матери, – но, дорогая мама, ты не представляешь, как мне хотелось бы уже в ближайшие дни мчаться под парусами навстречу волнующим и рискованным приключениям – в места, где я мог бы получить опыт и извлечь для себя хоть какую-то пользу, а не в эту скучную Индию, где мне не светят ни радости мирного времени, ни шансы, которые дает война».

Отправка в Индию в составе своего «невезучего полка»... была «крайне непривлекательной» перспективой. Не поехать на войну в Матабелеленд означало упустить свой «золотой шанс». После того как этот план провалился, «я чувствую, что из-за недостаточных усилий совершил глупость, о которой буду жалеть всю свою жизнь». За несколько месяцев, проведенных в Матабелеленде, он мог рассчитывать заслужить медаль за службу в Южной Африке, а также,

«по всей вероятности», звезду Британской Южно-Африканской компании⁴¹[18].

Р. Киплинг. Песнь Белых людей (1899)

Та чаша, что Белая раса испьет,
Что за стремление к правде будет наградой,
Животную злобой уста обожжет,
Пахнёт яростной битвы страдой.
Об пол пустую мы бьем чашу,
Пусть будет горек наш удел,
Сама природа нас направит,
Чтоб воин Белый миром владел.
Тяжелый Белым уготован путь:
Огонь зарниц осветит небосклон,
Ветра лихие будут дуть,
Рисуя наяву кошмарный сон.
Нелегко марш навстречу цели,
Что дарит силы нам заряд,
Но даже звезды ярче заблестели,
Увидев строй шагавших в ряд.

⁴¹ Британская Южно-Африканская компания была основана Сесилем Родсом в 1889 г. Британское правительство предоставило ей исключительные права на освоение природных богатств и торговлю на территориях современных Зимбабве и Замбии. Компания заключала договоры с местными африканскими правителями, а также организовала собственные вооруженные силы, которые использовала для подавления восстания народов шона и ндебеле в 1896–1897 гг. – *Прим. науч. ред.*

Потомки вспомнят старый принцип,
Что был заветом стариков:
Свобода нам и нашим детям,
Ценою жизни всех врагов.
Мы не нарушили традиций,
Погибших души не дадут соврать,
И солнце ярче воссияет,
Когда наш строй начнет шагать.

Б. Брехт. Каледонский рынок (1934)

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток!» –
Кричал их наемник-поэт.
Но я с любопытством смотрел,
Как через пропасть наводят мосты,
И я видел, как огромные пушки катятся на Восток
И как весело их чистят солдаты.
А в это время с Востока на Запад, в обратную сторону,
Катится чай, пропитанный кровью, катятся раненые
и золото.
И Виндзорская вдова, вся в черном,
С улыбкой берет деньги, кладет их в карман,
Похлопывает раненых по спине
И отправляет их на Каледонский рынок.
Их походка утратила былую прыть, но они все равно
Ковыляют вдоль прилавков, выискивая
Подержанный деревянный протез для ноги,

Который подошел бы к такой же деревянной голове.

Бриллиант в короне

Одержимость Черчилля Индией была чем угодно, но уж точно не иррациональной манией. Ни одной другой империи современности не удалось подмять под себя столько территорий и столько народов в Азии, сколько англичанам. В Индии это создавало определенные проблемы, так как людей было слишком много, что делало трудновыполнимой задачу даже частичного их истребления. Их также нельзя было запереть в резервациях или концентрационных лагерях. Но выгоды от владения Индией намного перевешивали все связанные с этим проблемы.

Черчиллю никогда не нравилась Индия. Первое армейское знакомство с ней не оставило после себя приятных воспоминаний. Он писал, что испытал настоящее потрясение, столкнувшись с субконтинентом, и почувствовал облегчение, когда его перевели служить на афганскую границу. В заметке для *The Daily Telegraph* от 6 ноября 1897 г. он писал:

Восстание 1897 г. является самой успешной на сегодняшний день попыткой объединить приграничные племена. Эта попытка не будет последней. Одновременный мятеж среди дальних племен свидетельствует о каких-то скрытых от глаз процессах... Цивилизация столкнулась лицом к лицу с воинствующим магометанством. Если мы задумаемся

о том, какие моральные и материальные величины противостоят здесь друг другу, у нас не останется опасений по поводу окончательного исхода борьбы. Но чем дольше продолжается политика полумер, тем позже этот исход наступит.

Вмешательство, которое раздражает сильнее, чем полный контроль, робость, проявляемая с большей поспешностью, чем обычное безрассудство, снисходительность, которая своей жестокостью превосходит самую крайнюю суровость, характеризуют наши нынешние отношения с приграничными племенами. Чтобы положить конец этому печальному положению дел, необходимо проводить осознанную и официальную политику вплоть до логического – и неизбежного – финала.

Примерно за месяц до этого он был потрясен видом тридцати шести мертвых тел, наспех похороненных англичанами. Они были обнаружены и изуродованы пуштунами из местного племени. Но эта неприглядная картина была ничем не хуже того насилия, которое регулярно совершалось британской армией. Цивилизация и варварство – сиамские близнецы. На страницах своего дневника Черчилль откровенно записал:

Эти племена – одни из самых жалких и жестоких существ на земле. Их разума хватает только на то, чтобы быть еще более безжалостными, более опасными, более разрушительными, чем дикие звери... Единственно

возможным выводом из всего этого, по моему мнению, является то, что все человечество станет счастливее – а мировой прогресс ускорится – ровно настолько, насколько эти долины удастся очистить от заполнивших их вредных паразитов.

Ни слова не было сказано о том, почему англичане подвергаются нападениям. Империя уже терпела поражения в войнах против Афганистана. Первая из них закончилась в январе 1842 г. разгромом крупного отряда Британской индийской армии под командованием генерала Эльфинстоуна. Генерал-губернатор Индии лорд Окленд был настолько потрясен этой новостью, что перенес апоплексический удар, от которого так и не оправился. В апреле того же года генерал Поллок возглавил «отряд возмездия», который разрушил старый кабульский базар XVI в. и ряд других древних построек. Отомстив, англичане покинули Афганистан с твердым намерением больше никогда не предпринимать попыток его захвата.

Однако в 1893 г. империя стала добиваться проведения официальной границы между Афганистаном и Индией, для чего на место был направлен государственный служащий сэр Мортимер Дюранд. По его проекту была проведена линия, ставшая границей протяженностью в 1640 миль, которая разделяла пуштунские племена и на которую местное население часто просто не обращало внимания. Протестуя против этого совершенно произвольного разделения, «дикие

звери» вновь взяли за оружие.

Однажды поздней ночью в 1897 г. одно племя пуштунов (с которым, как ошибочно полагали англичане, у них не было никаких разногласий) внезапно напало на лагерь британской армии. Черчилль, пылкий младший офицер двадцати с небольшим лет, находившийся в своей первой командировке на беспокойную северо-западную границу, был вне себя от такого «вероломства». Партизанская атака стоила британо-индийской армии сорока офицеров и солдат, а также множества лошадей и выючных животных. К восторгу молодого Черчилля, командующий операцией сэр Биндон Блад отдал приказ о немедленном проведении акции возмездия. Новоиспеченный офицер принял участие в карательной экспедиции генерала Джеффриса с целью «наказать свирепых агрессоров». Захватывающее столкновение пуштунских сабель и английских ружей длилось всего один день, как Черчилль позднее напишет в «Моих ранних годах», но больше всего юному Уинстону понравилось методичное осуществление колониальной миссии: «Возмездие должно было проходить в следующей форме: нам предстояло маршем пройти по всей их равнине, которая представляет собой замкнутый со всех сторон тупик, вплоть до самого края, уничтожая все посевы, разрушая резервуары питьевой воды, взрывая все укрепления, насколько на это хватит времени, и стреляя в каждого, кто будет мешать процессу». Кто упрекнет позднейшие поколения афганцев в том, что и во время второго,

и во время третьего вторжения в свою страну они были уверены, что видят продолжение того самого первого – только на новый лад? Изменились лишь технологии и риторика: боевые вертолеты и дроны пришли на смену ружьям со штыками, «гуманитарные» оправдания и ложь – на смену черчиллевской откровенности.

Киплинг отразил безжалостную кампанию против пуштунов в поэме «Молодое пополнение» (The Young British Soldier):

И ежели в каком бою тебя смертельно ранит вдруг,
Где, добивая бедолаг, афганки ползают вокруг,
Тогда ты с духом соберись, приставь к виску винтовку,
друг,
И к Богу своему, солдат, –
Марш, марш, марш, солдат,
Марш, марш, марш, солдат,
Марш, марш, марш, солдат,
Солдат самой Королевы!

Чуть раньше немецкий поэт Теодор Фонтане, живший в то время в Лондоне, в поэме «Афганская трагедия» (Das Trauerspiel von Afghanistan) взял другую тональность. Полная печали и меланхолии, она точнее отражала масштаб поражения 1842 г., как видно из этого отрывка:

Снег белою пылью с небес упал,

Пред Джелалабадом всадник встал.
«Кто там?» – «Я кавалерист британский,
Пришло посольство. С Афганистана».
«Афганистан!» – он шептал без конца,
Полгорода обступило гонца.
Сэр Роберт Сэль, городской комендант,
Помог руками с коня его снять.
И вместе пошел в караулку с ним,
Его усадили там, где был камин.
Огонь согрел его, свет подкрепил.
«Спасибо!» – вздохнул он, заговорил:
«Нас было тринадцать тысяч сперва,
Шел из Кабула наш караван.
Солдат, начальников, баб, детей –
Сдали, сгубили, предали всех...

Армия разбита – а что победители? От них не осталось стихов. Лишь истории о героизме и мужестве и о преступлениях, совершенных чужаками, – рассказы, передаваемые из уст в уста, от одного поколения пуштунов к другому; а вторжения меж тем не прекращались. Но представьте себя на месте пуштунского бойца, который попал в руки солдат британо-индийской армии и которого заживо поджаривают на медленном огне в земляной печи. Черчилль описал и такой случай, причем сделал это без каких-либо эмоций или возражений цивилизаторского характера. Имперское господство неизбежно приводит к совершению преступлений против тех, кто ему сопротивляется.

Дележ Африки

В последние десятилетия XIX в., после отмены рабства, белые империалистические державы озаботились поиском чего-то, что смогло бы заменить его. Если захватывать людей теперь было нельзя, безукоризненная имперская логика подсказывала: а почему бы не захватить территорию? Их манила Африка – континент, где зародилось человечество, колыбель древних цивилизаций и, что важнее всего, сокровищница природных богатств: алмазов, минералов, а позднее и нефти. Племенная раздробленность и локальные конфликты ослабляли черную Африку. Страны, обладавшие четкой политической структурой, представляли собой пеструю и разрозненную группу.

Древнейшей из них была Абиссиния (позднее Эфиопия) – регион, некогда входивший в Амхарскую империю. Когда европейские стервятники делили Африку, она оставалась исключением. На ее независимость пока никто не покушался. В 1868 г. англичане спровоцировали конфликт и создали свою базу в городке Зула, находившемся к югу от порта Массауа на побережье Красного моря, откуда предприняли успешное нападение на горную резиденцию правителя в Магдале. Великобритания испытывала новый вид вооружений (в данном случае – однозарядные винтовки Снайдер-Энфилд), изобретенный вскоре после Крымской войны.

Одного оружия, возможно, было бы недостаточно, если бы англичанам не удалось переманить на свою сторону фактического правителя провинции Тиграи, у которого были свои счеты с абиссинским королем. Италия также обратила свой взор на регион.

Вторжения европейцев на протяжении XIX в. выделили Африку как континент, созревший для захвата. Его должно было хватить на всех при условии, что белые империи не будут впадать в приступы неконтролируемой жадности и набрасываться друг на друга. Такого мнения придерживалось руководство нового германского государства, и прежде всего его архитектор и первый канцлер Отто фон Бисмарк. Объединенная Германия была страной без колониальных владений. Она стремилась наверстать упущенное в Африке. Вот почему Бисмарк в 1884–1885 гг. созвал в Берлине империалистическую конференцию⁴². Ее участники заседали три месяца. Если отбросить шелуху, на повестке стоял один вопрос:

⁴² Инициатива созыва конференции исходила от Португалии, которую поддержала Великобритания. К этому моменту между европейскими державами накопилось слишком много противоречий в Африке, которые грозили вылиться в открытые военные столкновения. Поэтому целью конференции был не только территориальный раздел (прежде всего бассейна реки Конго), но и выработка общих правил, которыми колониальные державы должны были руководствоваться в своей политике. Одним из результатов работы конференции стало принятие принципа «эффективной оккупации»: колониальные державы обязывались не просто провозгласить свой суверенитет над той или иной территорией, но и установить там систему управления, ввести налоги, строить дороги, способствовать деятельности миссионеров и т. д. — *Прим. науч. ред.*

как лучше всего поделить Африку. Захват, насилие и оккупация, которые за этим последовали, шли под флагом «цивилизации» – старшего брата «гуманитарной интервенции» конца XX и начала XXI в.

Единственной отсутствующей на конференции державой были Соединенные Штаты. Они согласились принять в ней участие, но в последний момент передумали. Все прочие империалистические державы, а также те страны, которые стремились к этому статусу, в Берлине присутствовали. Африка была разделена на пятьдесят отдельных колонизированных областей без учета их этнического состава и особенностей географии – жестокая процедура, оставившая свой отпечаток на теле черной Африки на последующие полтора века. Последствия этого решения чувствуются до сих пор, притом что прочерченные на конференции границы между странами существенным образом не менялись. За то время, пока шли заседания, Франция оккупировала Алжир⁴³ и Тунис, а также поделила Марокко с Испанией⁴⁴. Великобритания утвердила свое господство в Египте и Судане, хотя на территории последнего постоянно вспыхивали восстания. Французы и испанцы сохранили контроль над своими владениями в Ма-

⁴³ Завоевание Алжира Францией началось еще в 1830 г. К началу работы конференции он уже был большей частью покорен. Однако стычки с туарегами в Сахаре продолжались вплоть до начала XX в. – *Прим. науч. ред.*

⁴⁴ Автор допускает неточность: раздел территории Марокко произошел в начале XX в. и стал результатом двух Марокканских кризисов – 1905 и 1911 гг. – *Прим. науч. ред.*

грибе, но никто не стал покушаться на английскую сферу влияния. Фактически к концу заседаний львиная доля официально досталась Великобритании, расширившей свое присутствие на континенте за счет Восточной и Южной Африки, а также Нигерии и Ганы. Франция закрепила за собой большую часть Западной Африки. Италия получила Сомали и некоторые районы Эфиопии. Португалия сохранила контроль над Анголой и Мозамбиком. Германии в качестве приза достались Юго-Западная Африка (Намибия) и Танганьика (Танзания)⁴⁵.

Бельгийский король Леопольд II получил Конго в личное владение – событие, уникальное в анналах империализма. Это был единственный случай в современной истории, когда территория целой страны была официально на международном уровне признана личной собственностью одного человека. На протяжении четверти столетия Конго сохраняло этот феноменальный статус. Будучи в течение всей своей жизни буквально одержим этой страной и превратив ее в источник своего сказочного богатства, Леопольд так ни разу и не удостоился лично посетить свои владения (он опасался подце-

⁴⁵ Значительная часть перечисленных территориальных приобретений европейских держав была осуществлена после Берлинской конференции. Она не разрешила все противоречия, и раздел Африки продолжал сопровождаться чередой конфликтов, которые угрожали перерасти в войну. Самый яркий пример – Фашодский кризис 1898 г., когда Франция и Великобритания оказались на грани открытого вооруженного конфликта из-за территории Южного Судана. – *Прим. науч. ред.*

пить какую-нибудь «африканскую заразу»), что сделало его самым известным «заочным землевладельцем» в истории современного империализма.

Кошмар, постигший народ Конго, по своему масштабу и по уровню сопровождавшей его садистской жестокости превосходил все, что когда-либо происходило в ходе колонизации Африки. Новым хозяевам Конго – главным образом бельгийцам, хотя были и некоторые другие – были нужны слоновая кость и каучук. Солдатам и управленцам выплачивались бонусы в зависимости от того, сколько слоновой кости и каучука жители местных деревень смогли собрать по их приказу. Если деревня не справлялась с выполнением своей нормы, всех взрослых мужчин – а иногда и женщин с детьми – убивали. Для доказательства того, что они убили необходимое количество людей, не тратя на них пули, солдаты отрубали у еще живых жертв кисти рук. Иногда к ужасным посылкам, отправляемым в Брюссель, добавляли ступни, головы и груди. Чтобы предотвратить разложение, отрубленные руки часто коптили, а головы и груди складывали в емкости со спиртом, чтобы они лучше сохранялись.

Леопольд высказал свое удовлетворение. Подобно прочим колониальным лидерам, он заявлял, что необходимо со всей строгостью пресечь практику захвата африканцев арабскими работорговцами с последующей их продажей на черном рынке. Но когда фотографии с ужасами начали просачиваться в Европу, поднялась волна возмущения, в ос-

новном со стороны британских авторов, которые в некоторых случаях успокаивали себя тем, что все эти преступления совершались не Британской, а другой империей.

Половина населения Конго была уничтожена солдатами и поселенцами Леопольда. Точные цифры разнятся, но, по общему мнению, количество убитых составило от восьми до десяти миллионов человек⁴⁶. По своему объему и масштабу ближе всего к этому преступлению, совершенному одной из европейских держав, стоит массовое истребление евреев Германией и ее квислингами⁴⁷ во время Второй мировой войны. Количество косвенных жертв этого преступления продолжает расти до сих пор каждую неделю в Палестине.

«Сатана! Говорю вам, что этот человек – Сатана!» – заявил Сесил Родс, который и сам не был ангелом, после встречи с Леопольдом II. Американский поэт Вейчел Линдсей написал поэму под названием «Конго» (The Congo):

Прислушайся к вою души Леопольда,
Горящей в аду за те толпы людей с искалеченными

⁴⁶ Автор здесь приводит максимально возможные оценки, но и минимальное число жертв, которое приводится в исследованиях, не менее ужасающее – 5 миллионов человек. Такое огромное число погибших было обусловлено непомерной эксплуатацией, жестокостью надсмотрщиков, голодом и болезнями. – *Прим. науч. ред.*

⁴⁷ То есть приспешниками. Данное понятие произошло от фамилии главы коллаборационистского правительства Норвегии во время ее оккупации нацистской Германией – Видкуна Квислинга. – *Прим. науч. ред.*

руками.

Услышь, как довольно смеются и воют черти,

Отрезая ему руки, там, в глубинах ада.

В 1904 г. Э. Д. Морель и Роджер Кейсмент учредили Общество по проведению реформ в Конго, чтобы придать огласке преступления Леопольда, – первый в своем роде акт солидарности с народом, ставшим жертвой колонизации. Артур Конан Дойл встретился с членами группы, пришел в негодование от того, что услышал, и начал собственное расследование. Подробно изучив все донесения о зверствах бельгийцев, он сел и за девять дней написал об этом книгу. «Преступления в Конго» (The Crime of the Congo), переполненные холодной яростью, за первые три месяца после выхода распространились более чем полумиллионным тиражом. «Сердце тьмы» Конрада произвело похожее впечатление на читателей, которые вдруг поняли, что описанная им с таким отвращением тьма – это не темнокожие африканцы, а белый угнетатель, которого они прекрасно знали. Как бы их ни описывали, события в Конго никак нельзя было назвать «маленькой веселой войной с варварскими племенами». Мне, однако ж, так и не удалось найти ни одного упоминания о геноциде в Конго ни в одной из книг или статей, вышедших из-под пера Черчилля.

Политики-империалисты вообще не склонны выступать с обвинениями в адрес друг друга, если они не конфликтуют

между собой, но замалчивание того, что творилось в Конго, со стороны правительств Европы само по себе неудивительно. Оно с очевидностью демонстрирует ту глубоко и прочно укоренившуюся неприязнь к темнокожим, которая накапливалась в течение столетий. Три мудрые обезьяны – Великобритания, Франция и Германия – просто отводили глаза. Правители «отважной маленькой Бельгии», как эта страна прославится в предстоящих двух мировых войнах, были мастерами в деле массовых убийств (столкнувшись с вооруженным противником одного с ними цвета кожи, они капитулируют без борьбы). Да и впоследствии отважная маленькая Бельгия не потеряла аппетита к совершению убийств. После Второй мировой войны она с удовольствием сотрудничала с США, этим новым империалистическим гегемоном, в деле подрыва конголезской независимости, и кончится это все убийством Патриса Лумумбы в 1961 г. и сменой режима, а в финале – еще и передачей власти марионеточному правительству полковника Мобуту. Покушение на Лумумбу всколыхнуло Черную Африку и весь постколониальный мир. В Москве именем Патриса Лумумбы был назван университет⁴⁸, созданный с целью предоставить бесплатное образование по различным направлениям (включая медицину) студентам из африканских и азиатских стран, которые иначе

⁴⁸ Университет дружбы народов, учрежденный в 1960 г., а с 1961 г. носивший имя Патриса Лумумбы. В настоящее время – Российский университет дружбы народов (РУДН). – *Прим. пер.*

остались бы без образования. Афроамериканский поэт Лэнгстон Хьюз в 1961 г. написал:

Красная кровь
Лумумбы пролита.
В неизвестной могиле
Его тело сокрыто.
Могила – на солнце,
В мире звезд, на луне,
Могила – в космической глубине.
Сердце мое
Ее поместило.
Завтра повсюду
Будет эта могила.

Шестьдесят лет спустя, когда вместе с очередным подъемом движения Black Lives Matter в США набрала обороты кампания по сносу памятников, одна бельгийская писательница по поводу статуй Леопольда, стоящих в ее собственной стране, вспомнила слова Адриенны Рич из стихотворения «Что это за времена?» (What Kind of Times Are These):

...это не где-то там, а здесь,
наша страна идет навстречу собственной правде
и страхам,
собственным способом заставить людей исчезнуть.

Колонизация Африки проходила не без сопротивления.

Довольно часто народы и лидеры континента давали отпор. Европейские варвары реагировали так, как и положено варварам: подкупали, грабили, истребляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

David Kynaston, *Family Britain, 1951–1957*, London, 2009, p. 453.

2.

Boris Johnson, *The Churchill Factor*, London, 2014, pp. 38–9.

3.

Anthony Barnett, 'Iron Britannia', *Special Issue, New Left Review* I / 134, July – August 1982.

4.

Я так и не смог вспомнить ни одного сколько-нибудь значимого акта солидарности рабочего движения Великобритании с антиколониальной борьбой в британских колониях, если не считать единичные случаи, такие как Уильям Моррис и его газета *Common Weal* («Общее благо») в XIX в.; первый состав Коммунистической партии Великобритании и Независимой рабочей партии (ILP), а также их попутчики в интеллектуальных кругах в XX в. Безусловно, это были героические фигуры, но за ними не было больших батальонов. Солдаты, набранные по призыву или пошедшие в армию добровольно, которых использовали для поддержания порядка в имперских владениях, не сильно отличались

от тех белых бедняков, которые сражались на стороне рабовладельцев в американской Гражданской войне.

5.

Paul Addison, 'Buggering On', London Review of Books, 21 July 1983. Некоторые, в том числе я сам, отнесли к первым фильмам о Бонде как к дешевым комедиям.

6.

Цитируется в Clive Ponting, Churchill, London, 1994, pp. 24–5.

7.

Katherine Connelly, Sylvia Pankhurst: Suffragette, Socialist and Scourge of Empire, London, 2013, p. 1.

8.

Richard Gott, Britain's Empire: Repression, Resistance and Revolt, London, 2011, p. 3.

9.

Churchill, My Early Life, p. 84.

10.

'The Insurrection in Cuba. Letters from the Front – 1', Daily Graphic, 13 December 1895.

11.

По прошествии двух с лишним веков, когда социалистическая Куба направила войска в Анголу, чтобы помочь освободительному движению сдержат наступление враждующей группировки, за спиной которой стояла ЮАР эпохи апартеида, Фидель Кастро сообщил своему народу, что бо́льшая часть присланных на Кубу рабов происходила из Анголы и соседних с ней регионов. Куба, таким образом, выплачивала «долг крови». Помочь ангольцам в борьбе с белыми было интернациональным долгом его страны.

12.

Цитируется в Richard Toye, *Churchill's Empire*, London, 2010, p. xi. О зверствах англичан в Кении, которые продолжались как при консерваторах, так и при лейбористах и масштаб которых преуменьшается большинством британских историков, будет рассказываться в главе 15.

13.

Цитата Черчилля из книги Richard Gott, *Cuba: A New History*, New Haven, 2004, p. 92.

14.

Там же.

15.

Benedict Anderson, *The Age of Globalization: Anarchists and the Anti-Colonial Imagination*, London, 2005, pp. 143–4.

16.

Gott, *Cuba: A New History*, p. 96.

17.

Цитируется в Hugh Thomas, *Cuba: A History*, Harmondsworth, 1971, pp. 187–8.

18.

Martin Gilbert, *Churchill: A Life*, 2nd edition, London, 2000, p. 62.